

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

ЭХО ТЕСНИЦКОГО ЛЕСА

Коллектив Тульского «Мемориала» поздравил со 100-летним юбилеем своего коллегу, не сломленного ГУЛАГом архитектора Сергея Петровича Афанасьева.

В Тесницком лесу при советской власти располагались лагеря военнослужащих. Новобранцы и кадровые военные проходили тут воинскую подготовку и учебу. Здесь же располагался полигон, где испытывали вооружение, выпускавшееся тульскими заводами. В летние месяцы 1991 года общественность Тульской области узнала, что в 25 км севернее областного центра, возле автомобильной трассы М-2 «Крым», в буреломном урочище под названием «Тесницкий лес» зарыты тысячи людей, казненных в годы «Большого террора».

Находились люди, уверявшие, будто никаких расстрелов в том урочище не производилось. Говорили также, будто бы тут захоронены умершие немцы и гитлеровские вояки других национальностей, пытавшиеся захватить Тулу и Москву осенью 1941-го. Но в 1991 году были обнародованы списки из архивных дел, предоставленные общественности по распоряжению прокуратуры тульскими чекистами. Там значились имена и фамилии как минимум 2,5 тысяч расстрелянных в Тесницком лесу людей разных национальностей и рас, волею ежовских приспешников с соизволения товарища Сталина зачисленных во «враги народа». Прошло несколько лет, и еще при жизни «вождя всех времен и народов» сам главный палач, «железный нарком» Ежов был объявлен врагом советской власти и удостоился той же участи — был расстрелян соратниками по опричнине.

Когда пришли годы перестройки, раскрылись неизвестные ранее детали былых преступлений.

Был в те незабываемые дни среди активистов Тульского «Мемориала» человек, на долю которого выпало стать одним из первостроителей тульского и интернационального кладбища в Тесницком лесу, — Сергей Афанасьев.

Продолжение на с. 4 >

8 октября стало известно, что Оюб Титиев стал лауреатом Международной премии Вацлава Гавела, ежегодно присуждаемой за гражданское мужество и выдающиеся достижения в области прав человека. Церемония вручения проходила в Страсбурге.

Ранее, 6 сентября 2018 года, во время судебного заседания в Шали, друзья и коллеги поздравили Оюба с тем, что он стал одним из трех номинантов на премию и передали ему официальное письмо из Совета Европы.

Оюба Титиева номинировали на премию Вацлава Гавела председатель правозащитного центра «Весна» (Беларусь) Алесь Беляцкий, председатель Центра изучения выборов и демократии в Азербайджане Анар Мамедли, председатель Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева, пред-

ОЮБ ТИТИЕВ — ЛАУРЕАТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРЕМИИ ВАЦЛАВА ГАВЕЛА

седатель Российского общества «Мемориал», правозащитник, первый уполномоченный по правам человека в РФ, политзаключенный советского времени Сергей Ковалев, вице-президент Европейского парламента Хейди Хаутала, член парламента Чешской Республики, один из ближайших соратников Гавела Карел Шварценберг. Это выдвижение поддержал ряд международных правозащитных организаций.

На церемонии вручения премии в Страсбурге председатель совета Правозащитного центра

«Мемориал» Александр Черкасов зачитал обращение от Оюба. Приводим его полный текст:

«Уважаемые господа!

Позвольте вас поблагодарить за номинацию на столь высокую премию, носящую имя Вацлава Гавела — борца за свободу, писателя и философа. Вряд ли мое краткое выступление сможет соответствовать его текстам. Разве что по уровню абсурда ситуации: сам я, по известным причинам, не могу присутствовать в этом зале.

Окончание на с. 2 >

ВОЙНА И ВОЙНА, ИЛИ ГУМАНИСТ ИЗМАЙЛОВ

В издательстве «Новой газеты» вышла книга «Война и война». Автор — Майор Измайлов — так написано на обложке. Настоящее имя майора — Вячеслав. Эта документальная проза, дневник — лучшая прививка от болевого синдрома «борьбы за мир», пишут издатели в аннотации. Павел Поляк, историк и исследователь, разбирает, почему эта книга — самое настоящее пособие по гуманитарным аспектам гибридных войн.

Международно-правовые нормы цивилизованного обращения с военнопленными, как известно, были кодифицированы в самом конце XIX века — и, кстати, по российской инициативе. 27 стран-участниц Международной конференции в Гааге (май-июль 1899

года), созванной по предложению России, 29 июля 1899 года приняли три конвенции: «О мирном решении международных столкновений», «О законах и обычаях сухопутной войны» и «О применении к морской войне 1864 года о раненых и больных». Результатом но-

вой Гаагской конференции, проведенной в июне-октябре 1907 года по инициативе США и с участием уже 44 стран, стало уточнение трех старых и принятие 10 новых конвенций, регулирующих ведение военных действий. Гаагская конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны», принятая 18 октября 1907 года, закрепила ответственность за содержание военнопленных противника за правительствами воюющих держав и подтвердила в качестве неперемного — всегда и в любом случае! — принцип гуманного обращения с военнопленными. Питание, одежда, жилье — все это гарантировалось по нормам резервных войск страны, захватившей военнопленного; попытки бегства наказуемы, но только дисциплинарно. Даже использование их труда не должно было быть чрез-

Окончание на с. 11 >

«ЗОНА ГОЛОСА»

В ПЕРМСКИХ ГРАЖДАНСКИХ СЕЗОНАХ

вперед, снова останавливается. И так проходит маршрут длиной в 2 километра — не очень длинный вроде бы, но вместивший в себя столько трагических событий, случившихся в городе за неполные 2 года Большого террора.

В спектакле нет исполнителей, зрителей или слушателей. В нем все — участники. Они проходят сквозь город как сквозь время и оказываются внутри той эпохи, когда твоя, а не чужая жизнь может оборваться в любую минуту без всякой причины.

Начало маршрута — памятник жертвам политических репрессий, созданный много лет назад на средства, которые пермские мемориальцы собирали всем миром. По форме он похож на звонницу. Наверху, где сходятся 5 бетонных колонн, опирающихся на пятиконечную звезду, укреплен безязыкий колокол. Над ним венец из колючей проволоки. В памятнике все символично: и звезда, и колонны (такие ставят для освещения по периметру лагерной ограды), и безязыкий колокол.

Сначала язык у колокола был. В него звонили участники митингов 30 октября в память о своих близких, погибших в годы сталинских репрессий. Сколько погибло, столько ударов колокола. Но потом язык украли, и колокол онемел. Его не стали восстанавливать в первоначальном виде — онемение сегодня тоже символично. Об этом рассказывает участникам спектакля голос в наушниках.

Затем по зову голоса они поворачиваются лицом к стоящему напротив мемориальной звонницы зданию бывшей тюрьмы НКВД №1. Сейчас это действующий следственный изолятор, СИЗО №1. Между памятником и СИЗО — овраг, по дну которого течет ручей с символическим названием Стикс. В этом овраге находили послед-

Окончание на с. 2 >

Дорогие читатели!

Если Вы все еще не получаете газету по электронной почте, то отправьте запрос на pdf-подписку: 30october@cknot.info

Тираж газеты существенно сокращен — нет денег на дорогостоящую рассылку у «Международного Мемориала».

Если у Вас нет компьютера, сообщите свой почтовый адрес, постараемся передать с оказией.

Главный редактор
Григорий ШВЕДОВ

В НОМЕРЕ:

Николай Аракчеев
о Народном музее репрессий с. 5

Под знаком «ОСТ» с. 6

Мэрия Москвы отозвала
согласование «Возвращения Имен» с. 6

Протоколы Ежова и Вышинского с. 8

Из истории жильцов
харьковского дома «Слово» с. 9

Почетный железнодорожник
Чурсин Федор с. 10

➤ Окончание. Начало на с. 1

ний приют те, кто умер в тюрьме НКВД №1.

Из голосов в наушниках пермяки узнают о том, что происходило в годы Большого террора в здании тюрьмы и в сквере перед ней, где держали тех, кто не помещался в переполненные камеры. Заключенные лежали прямо на земле или на снегу, если была зима. В наушниках слышится злобный лай овчарок и не менее злобные окрики охранников. Отсюда «врагов народа» увозили на железнодорожную станцию, грузили в товарные вагоны, увозили в Свердловск (нынешний Екатеринбург) на бесчеловечную расправу «тройки».

Около 7500 пермяков без всякой вины были расстреляны только за неполные 2 года Большого террора. Их имена высечены на бетонных плитах мемориального кладбища на 12-м километре Московского тракта под Екатеринбургом. Все они реабилитированы посмертно.

В наушниках звучат голоса живых свидетелей той эпохи. Рассказывает Ангелина Владимировна Бушуева. В 1938 году ей было 3 года, когда ее отца Владимира Георгиевича Бушуева, техника-механика пермского судозавода, арестовали по доносу одного из сослуживцев. 17 января 1938 года его расстреляли по приговору «тройки». Через полгода арестовали маму Ангелины Зинаиду Максимовну и отправи-

«ЗОНА ГОЛОСА» В ПЕРМСКИХ ГРАЖДАНСКИХ СЕЗОНАХ

ли в АЛЖИР (Акмолинский лагерь жен «изменников родины») с трехмесячным ребенком на руках. Трехлетняя Ангелина и ее маленькая сестренка Неля попали в разные детдома. Родственникам удалось забрать девочек и отвезти к матери в АЛЖИР, где они все и находились до 1956 года. В 1988 году Ангелина Бушуева стала одной из основательниц Пермского регионального отделения общества «Мемориал» и до сих пор остается его активистом.

Проходя двухкилометровый маршрут, участники спектакля слышат еще немало трагических историй. Останавливаются у домов, на которых укреплены мемориальные таблички «Последнего адреса». Голоса в наушниках рассказывают, что это за проект «Последний адрес», кому посвящена очередная мемориальная табличка.

Вот здание на улице Сибирской, д. 30, известное как «дом чекистов». На нем несколько памятных табличек. В советские времена здесь жили, говоря современным языком, «ВИПы» — партийные чиновники, руководители разных советских управлений, ведомств, сотрудники пермского НКВД. В годы репрессий многих из них увезли навсегда из этого дома «черные воронки». Когда очередной «воронка» останавливался под окнами, его жители не могли заснуть, гадая, не за ними ли приехала машина. Те, кто читал повесть Юрия Трифонова «Дом на набережной», говорит ведущий спектакля, могут сравнить, как похожи судьбы его обитателей и жителей пермского «дома чекистов» — тот же непре-

ходящий вязкий страх на фоне бытового благополучия.

Заканчивается этот «крутой маршрут» в здании на улице Пушкина, 15. Участников спектакля здесь встретит Эльвира Георгиевна Тихомирова и расскажет, как в июле 1937 года из этого дома увозили навсегда ее отца Георгия Васильевича Тихомирова. «Мне было три годика. Когда папу проводили мимо меня, он старался повернуться ко мне, будто что-то хотел сказать на прощанье». Таким он и остался в памяти Эльвиры.

Сейчас в этом здании Центр городской культуры — место, где проходят многие акции Гражданских сезонов. На полу, на столах, на стульях — множество фотографий. Лица, лица, лица... На огромном, во всю стену, экране медленно проплывает под шепчущую музыку бесконечная череда фамилий пермяков, расстрелянных в годы Большого террора.

Участников спектакля приглашают на установку новых табличек в рамках Гражданских сезонов — в память о тех, кого в 1937–1938 годах насильно увели навсегда из родного дома. Всего таких табличек в Пермском крае установлено уже около сорока.

Имена расстрелянных в годы Большого террора пермяков прозвучат в октябре и на традиционной мемориальной акции «Возвращение имен», на которую приглашены участники иммерсивного спектакля.

В рамках пермских Гражданских сезонов пройдет еще много событий, значимых для осмысле-

ния трагического прошлого. Это и открытие выставок, связанных с горькими датами, и встречи с интересными людьми, в том числе с писателем и общественным деятелем Людмилой Улицкой. Это и документальный спектакль «Прощай, Блюхер» по сценарию Александра Калиха, и дискуссии, концерты, лекции, студенческая конференция, просмотры документальных фильмов и еще много чего очень важного.

Иммерсивный спектакль создан по сценарию пермского драматурга Ксении Гашевой. Режиссер Марк Букин, композитор Андрей Платонов. Научные консультанты: один из основателей Пермского «Мемориала» и его почетный председатель Александр Калих и сегодняшний руководитель регионального отделения Роберт Латыпов.

Остается сказать, что нынешние Гражданские сезоны «Пермские дни памяти» проводятся с использованием средств, полученных от Фонда президентских грантов, при поддержке пермского фонда «Новая коллекция», Центра городской культуры и целого ряда других организаций.

Ирина КИЗИЛОВА,
член правления Пермского
«Мемориала»

На снимке: Фрагменты и участники иммерсивного спектакля «Зона голоса. Пермь 1937». Среди участников — Александр Калих. Фото Дмитрия Окунцева.

ОЮБ ТИТИЕВ — ЛАУРЕАТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРЕМИИ ВАЦЛАВА ГАВЕЛА

➤ Продолжение. Начало на с. 1

Но я надеюсь, что мои друзья и коллеги донесут до вас это мое послание.

Впрочем, это уже традиция — кажется, трое из числа гавеловских лауреатов прошлых лет, оказавших мне честь и доверие и номинировав на премию, в свое время также не могли получить ее лично. Они тоже находились в тюрьме. Согласитесь, это ли не абсурд, ставший уже традицией! Пан Гавел грустно нам улыбается...

Меня арестовали в январе этого года чеченские полицейские. Меня обвинили в хранении наркотиков, которые они сами же и подбросили. Правда, чеченский правитель Рамзан Кадыров уточнил: на самом деле в Чечне нет

места для моей, для нашей работы, — нельзя защищать права тех, с кем они борются; нельзя сообщать что-либо наружу — только властям, а кто так делает — «враг народа». Теперь, в суде, десятки полицейских выполняют волю власти и лжесвидетельствуют против меня, «врага народа». Пытаясь доказать фальшивое обвинение, большинство делает это с видимым неудобством, а некоторые — с удовольствием. Все они путаются, противоречат друг другу и сами себе. Этому их абсурдному творчеству сам Гавел мог бы позавидовать. Впрочем, и вы можете попристутствовать на этом спектакле в суде маленького чеченского города Шали каждый понедельник

и вторник. Представление продолжится еще несколько недель. Зал маленький, но я приглашаю!

Отталкиваясь от моих собственных обстоятельств, мне легко перейти к главному — к работе за последние 18 лет, к работе «Мемориала» и всех тех, кто не просто называет себя «правозащитником», а пытается действовать.

На моей родине, в Чечне, давно уже стали нормой незаконные аресты и фабрикация уголовных дел. Мое дело — тому пример, и, поверьте, не самый страшный: как правило, фабрикация дел сопровождается угрозами и пытками.

Порою так мстят журналистам и общественным активистам — мое дело «о наркотиках» в Чечне не первое (напомним: по аналогичным схемам были арестованы и осуждены чеченский журналист Жалауди Гериев, и глава общественно-политического

Окончание на с. 3 ➤

На снимке: Александр Черкасов читает обращение Оюба Титиева. Скриншот трансляции вручения премии Вацлава Гавела в Страсбурге 8 октября 2018 г.

«МЕСТА НЕТ ОТ ПАПОК С ДОКУМЕНТАМИ...»

У памятника жертвам политических репрессий в парке 30-летия Победы в городе Кропоткине всегда есть живые цветы. Розы, чаще гвоздики. Но в летнее время сюда приносят букетики цветов, которые растут почти во всех палисадниках и в садах жителей Кропоткина. Дубки, майорчики, ромашки не так роскошны, как ухоженные розы на длинных ножках или пренциозные гладиолусы, но кто знает, сколько душевной теплоты и признательности в этих скромных букетиках, которые приносят к двум стелам памятника расстрелянным железнодорожникам жители Кропоткина. Признательности женщине, которая на протяжении почти десяти лет искала фамилии железнодорожников, расстрелянных в годы сталинских репрессий. В 2005 году Валентина Матвиенко, председатель Кропоткинской городской общественной организации Жертв политических репрессий 1930–1950 годов, начала собирать в одну организацию детей расстрелянных, сосланных или пропавших без вести железнодорожников.

шлось искать следы арестованного отца одного жителя Кореновского района. «Ему было 2 месяца, когда всю его семью — отца, мать и пятерых братьев и сестер — выслали. Три года поисков, и когда я отдавала документ, где было указано, где, когда и по какой статье был расстрелян его отец, то этот молодой мужчина заплакал», — рассказала она, и, вздохнув, добавила: «Вот так мы соединяем семьи, возвращаем хорошие имена их родных...через десятилетия».

Эта история тронула ее особенно. Ведь и она могла остаться круглой сиротой. Была еще младенцем, когда отца арестовали, и мама, схватив ее, побежала в НКВД, надеясь выр-

все имена отсылаются в Князь-Владимирский собор Санкт-Петербурга — там создан всероссийский синодик, и жертв политических репрессий поминуют. (При храме ведется сбор и обработка материалов о жертвах большевистских гонений на веру и верующих. В 1999 году опубликован «Синодик гонимых, умученных, в узлах невинно пострадавших православных священно-церковнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии. XX столетие», составленный под редакцией настоятеля собора, протоиерея Владимира Сорокина. Работа над Синодиком продолжается. — Примеч. «30 октября»).

Большую работу по открытию еще одного памятника жертвам политических репрессий Валентина Матвиенко провела в старейшей казачьей станице Темижбекской Краснодарского края. До революции 1917 года в станице проживало 18 тысяч человек. Сейчас — около 6 тысяч.

«В этой станице, когда советская власть ввела продразверстку и хлебобобов заставляли сдавать государству даже семенное зерно, вспыхнул бунт. Казаков начали массово арестовывать. Тут взбунтовались и казачки. Начались репрессии. Многих арестовали и затем расстреляли, большинство семей были высланы в Сибирь, некоторые были осуждены и отбывали сроки в лагерях. Более 5 лет мы со станичником Александром Игнатовым по крупицам собирали сведения. Пришлось делать запросы в Магадан, Воркуту, Норильск», — рассказывает Валентина Георгиевна.

Собрав данные о более чем двухстах репрессированных казаках и жителях станицы Темижбекской, Валентина Георгиевна и ее единомышленники из станицы решили поставить памятник. Потребовалось еще 4 года для того, чтобы с помощью станичников решить все земельные и финансовые проблемы.

На открытии этого памятника в июле 2016 года Валентину Матвиенко ожидал сюрприз. Точнее — два. Она была награждена медалью Общественной палаты РФ «За славу и честь казачью» и крестом Кубанского казачьего войска «За заслуги перед казачеством».

Татьяна ГАНТИМУРОВА,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимках: Памятник расстрелянным железнодорожникам в Кропоткине. Валентина Матвиенко. Фото из личного архива Валентины Матвиенко

«Вначале в мемориальном комплексе, посвященном 30-летию Победы, был просто камень с табличкой «Жертвам политических репрессий». Как-то безмянно. Я работала на железной дороге, а рядом со мной трудилось много тех, чьи отцы были арестованы. Дальнейшая их судьба была неизвестна: за что арестовали, куда отвезли, где могила. Вот мы и стали искать. В каких только архивах мы ни работали, — вспоминает Валентина Георгиевна Матвиенко. — Сто человек, жителей Кропоткина, железнодорожников, которые были арестованы как враги народа и расстреляны. Все фамилии увековечены на этих двух стелах, которые были установлены в апреле 2013 года. О том, что мы занимаемся поисками людей, которые были арестованы и о дальнейшей судьбе которых ничего не было известно родным, узнали в других городах и станицах. Стали приезжать к нам с одной просьбой: «Что с нашим отцом, помогите узнать», — рассказа-

ла Валентина Георгиевна корреспонденту «30 октября».

До сих пор многие не знают, как сложилась судьба их родных после ареста. Поэтому жители всего края обращаются к Матвиенко с просьбами найти сведения об их отцах или ком-то из семьи. Запросы по архивам, управлениям ФСБ — ежедневная работа председателя.

Зная, что моей собеседнице уже немало лет, задаю вопрос о ее здоровье. Она отмахивается: «Какое там здоровье? Времени нет думать о болезнях, других забот хватает».

А забота сейчас у нее одна: нет помещения, где можно было бы встречаться с людьми, которые приезжают к ней почти со всего Краснодарского края.

«Квартира у меня — стандартная двухкомнатная «хрущевка», 40 квадратов. Места нет от папок с документами, коробок с письмами. Я не могу все разложить по датам, по городам. Архив большой, нужно все систематизировать. Так в моей квар-

тире не развернешься. Приезжают люди из других городов, со станиц. Где с ними встретиться, расспросить подробно? Ладно летом, когда тепло, можно и на скамеечке посидеть. А когда холодно, дождь? Домой к себе, в эту тесноту?» — жалуется она. И по секрету делится: «Есть в Кропоткине помещение, 15 квадратных метров. А мне больше и не надо: стол, пару стульев, да полки для документов. Помещение пустует, но в мэрии мне говорят, что не могут решить этот вопрос». (В сентябре 2018 года Валентина Георгиевна написала письма на имя Михаила Федотова и Эллы Панфиловой с просьбой помочь с помещением. Ответа пока нет. — Примеч. «30 октября»).

Валентина Георгиевна говорит, что каждый раз, выслушивая рассказы людей, чьи родные были репрессированы, и след их с того дня потерялся, она все это пропускает через свое сердце. «А без страдания такой работой заниматься нельзя». Она рассказала, как 3 года при-

читать мужа, доказать, что он ни в чем не виноват. А навстречу ей соседка: «Беги, прячься в кукурузе. К вам поехали тебя арестовывать, а Валюшку в дом ребенка отправят».

«Сколько сломанных судеб, сколько сирот породило то время. Я часто бываю в школах, в училищах. Рассказываю о том времени, привожу примеры. Ребята слушают, задают вопросы. Вижу, что многого не знают из жизни города, края. Но мне приятно, что во время таких встреч я не вижу равнодушных лиц. Если раньше сама предлагала в школах, в других учебных заведениях провести встречу с ребятами, то сейчас меня приглашают на такие мероприятия. Нужно, чтобы знали о том страшном времени. Знали и делали все, чтобы это не повторилось», — говорит Валентина Георгиевна.

Все найденные сведения о репрессированных жителях Матвиенко отсылает в Москву, в Российское общество «Мемориал». Кроме того,

➤ Окончание. Начало на с. 1

движения «Ассамблея народов Кавказа» Руслан Кутаев. В их отношении в 2014 и 2016 годах были вынесены приговоры, основанные на «сомнительных доказательствах». — Примеч. «30 октября»).

Но вообще-то фальсификация уголовных дел давно стала системой. А условия в российской пенитенциарной системе такие, что их не заслужили и те, кто, возможно, виновен. Мы, как могли, собирали и обнародовали сведения об этом, пытались помочь жертвам пыток и фальсификации уголовных дел.

Но все это — не самодеятельность чеченской полиции и властей, хотя они и подходят к делу весьма творчески. Лет пятнадцать назад российская федеральная власть делегировала властям Чечни полномочия применять незаконное насилие, чтобы победить в войне. В войне, в которой с середины 1990-х погибли многие десятки тысяч жителей Чечни, а многие тысячи исчезли. «Исчезли» — значит, стали жертвами созданных властью «эска-

дронов смерти»: были незаконно арестованы, помещены в секретные тюрьмы, подверглись пыткам, были убиты, а тела спрятаны или захоронены в безымянных могилах. По нашим оценкам, таких с 1999 года — от 3 до 5 тысяч человек. Их поисками занималась моя коллега Наталья Эстемирова, которая и привела меня в «Мемориал». 15 июля 2009 года она сама стала жертвой этой системы, была похищена и убита.

Но эта работа — поиск «исчезнувших», поиск тайных захоронений, поиск справедливости и правосудия, наказание виновных, — продолжается. К сожалению, в России это получается не очень хорошо. На тысячи насильственных исчезновений — четыре приговора виновным. Безнаказанность — 99,9%. В Страсбурге — чуть лучше: там рассмотрено более 250 «чеченских» дел об исчезновениях. Но Европейский суд по правам человека не называет виновных, он только обязывает государство сделать это. А ни одно из этих 250-ти страсбургских расследований не привело к наказанию виновных.

Отсутствие справедливости, основанной на законе; уважении к закону, — будь то Европейская конвенция, российское право, шариат или неписаные горские законы, адаты, — одна из наших главных проблем. Сегодня вместо этого господствуют право силы и решения правителей, не основанные на законах.

В Чечне, в России действует не просто система безнаказанности. Рискну назвать это цепью безнаказанности: те, кто не понес наказание за преступления, совершенные на одной войне, участвуют во все новых войнах и совершают все новые преступления.

И теперь порою задержанные в Чечне люди «исчезают». Позапрошлой зимой «исчезли» десятки человек. Мы уверены, что они были тайно и бесцельно казнены. Власть утверждает, что они бежали на войну в Сирию.

Не знаю, какое из наших расследований послужило поводом для моего ареста. Теперь наш грозненский офис закрыт. Офис «Мемориала» в соседней Ингушетии был сожжен через полторы недели после моего ареста. Спустя несколько недель был

жестоко избит руководитель нашего дагестанского офиса.

Но я знаю одно: работа по защите прав человека в Чечне, в России должна быть продолжена. И международная солидарность может этому помочь.

Теперь в суде я вижу десятки моих товарищей и коллег, которые прилетают издалека, чтобы меня поддержать. Они движимы тем же девизом «За вашу и нашу свободу», что и советские диссиденты, полвека назад выступавшие против ввода войск в Чехословакию.

И надо что-то делать. Делать, чтобы исчезнувшие были найдены и у каждого была своя могила, на которую смогут прийти родственники. Чтобы причастные к преступлениям против человечности были наказаны. Чтобы виновные были освобождены.

И последнее. Все когда-нибудь кончается. Я читал, что в Чехословакии, на родине Вацлава Гавела, была поговорка про власть коммунистов: «На вечные времена. Но ни днем больше!» Я надеюсь еще сам появиться в этом зале и поблагодарить всех».

Оуб Титиев был задержан в Чечне 9 января 2018 года. Его обвиняют в незаконном обороте наркотиков в крупном размере (ч. 2 ст. 228 УК РФ). Заявление самого Титиева о том, что дело грубо сфабриковано, так и не было по сути проверено, хотя он обращался в органы власти с просьбой установить и привлечь к уголовной ответственности полицейских, подбросивших в его машину наркотики. По мнению руководителя программы «Горячие точки» ПЦ «Мемориал» Олега Орлова, изложенного им интернет-изданию «Кавказский узел», есть основания полагать, что преследование Титиева — не что иное, как месть республиканских властей за его правозащитную деятельность, попытка прекратить работу ПЦ «Мемориал» в Чечне.

Премия Вацлава Гавела была учреждена в марте 2013 года Парламентской ассамблеей Совета Европы, Библиотекой Вацлава Гавела в Праге и чешским фондом «Хартия 77».

По информации ПЦ «Мемориал»

ЭХО ТЕСНИЦКОГО ЛЕСА

➤ Окончание. Начало на с. 1

В обнародованных списках были не только туляки, сталинаторцы, белевцы, шекинцы и узловчане, но и занесенные в страну ветрами революции поляки, корейцы, японцы, венгры, румыны, болгары, китайцы, узбеки, таджики, киргизы... А также немцы из Саратовской губернии, жившие и трудившиеся в России со времен Екатерины II, и прибалты — латыши, литовцы, эстонцы. Так вот, именно Сергей Петрович Афанасьев приложил самые энергичные усилия к тому, чтобы урочище Тесницкий лес стало интернациональным местом захоронения жителей СССР и переселенцев из Европы и Азии (Африку и Америку участь сия миновала).

Сергей Петрович работал тогда проектировщиком в институте «Тулскгражданпроект». Был у него собственный автомобиль. На нем-то и ездил неугомонный общественник от Тулы до Тесницкого леса и в окрестные карьеры, чтобы подыскать подходящий камень, из которого можно было бы вытесать памятный знак. Кстати, в качестве председателя Тульского «Мемориала» мотался тогда по карьерам вместе с Афанасьевым и автор этих строк.

Была у Сергея Петровича и биографическая причина для активности в правозащитной деятельности. В молодые годы, в августе 1941 года, проходя воинскую службу на Дальнем Востоке, он был арестован и осужден военным трибуналом по обвинению в антисоветской агитации. Ему дали 10 лет исправительно-тру-

довых лагерей, отбывать которые отправили в Казахстан, в лагерь «Долинка».

Срок ему за доблестный труд сократили, и он остался в

Казахстане по вольному найму (при том, что родился в Москве, отец его был живописцем).

С января 1960 года Сергей Петрович — в Туле. Он прошел

все ступени архитектора-проектировщика и, помимо памятного знака в Тесницком лесу, создал несколько уникальных проектов для города Тулы.

Памятный черномраморный обелиск в честь жертв политических репрессий в Тульской области был воздвигнут в нескольких сотнях метров от Московского вокзала на берегу реки Воронки.

Администрация города, отвергнув все предложения общества «Мемориал», решила установить памятник здесь, на улице Федора Смирнова. Доводы: именно с Московского вокзала в годы «Большого террора» отправлялись этапы с заключенными на «острова» архипелага ГУЛАГ...

Теперь возле этого обелиска проходит ежегодно поминовение жертв репрессий во

Всероссийский день их памяти 30 октября.

Мы поздравили нашего товарища со 100-летием тепло и сердечно, посидели в тесном дружеском кругу.

Нередко приходится слышать от потомков репрессированных о том, что их родственники не любили вспоминать о своих злоключениях. Сергей Петрович, в свои 100 лет сохранивший в своей памяти все пережитое, не избегает общения. Он всегда был и остается оптимистом.

Сергей ЩЕГЛОВ,
почетный председатель
Тульского «Мемориала»

На снимках: Сергей Афанасьев с мамой Евдокией Трифоновной. На заседании правления. Рядом В.В.Куликов, С.Л.Щеглов. Фото из личного архива Сергея Афанасьева

ТИПИЧНАЯ СУДЬБА РОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

В нашем семейном архиве много лет пролежала фотография, сделанная 7 июня 1929 года. Выражаясь современным языком, она формата А3. В правом нижнем углу поставлено клеймо тиснением — С.О.Кантер.

Фотомастерская Семена Осиповича Кантера была открыта в Туле в 1886 году. По кадрам за апрель 1917 года можно определить место ее расположения на Киевской улице (сейчас — проспект Ленина, почти рядом с современной Советской улицей). Владелец за свое искус-

ство был удостоен «высочайшей государя императора благодарности». Примечательно, что в свои реактивы специалисты добавляли серебро, что придавало снимкам великолепную сохранность.

На фотографии — группа учеников и преподавателей двухгодич-

ных вечерних курсов при Тульском патронном заводе. Курсы были организованы в 1927, а завершили работу в 1929 году. Справа на фото — мой родственник Иван Сергеевич Маркин.

На обороте чернильным пером от руки написано: помощ-

ник директора Плядухин, заведующий школой Виноградов, заведующий курсами Трещев; преподаватели: по математике — Преображенский, по русскому языку — Винокурова, по физике — Данилин, по обществоведению — Пермякова; ученики: Будилин, Быков, Мещеряков, Ушаков, Глинский, Папытов. Определить сегодня, какому лицу какая фамилия принадлежит, сложно.

Фрагмент события запечатлен в художественно оформленном салоне со старинной мебелью, голубеновыми обоями, плюшевыми занавесями, окаймленными бахромой; на полу расстелен ковер, накрытый волчьей шкурой.

Подобный шедевр, редкий исторический кадр я сочла справедливым передать в дар Тульскому краеведческому музею, что было закреплено соответствующим договором. Фото пополнило копилку в биографии нашего славного города оружейников. Пусть поможет людям лучше узнать эпоху.

Вот, что мне известно об И.С.Маркине. Он родился 21 июня 1897 года. Обряд крещения был совершен 22 июня (на следующий день, по традиции), о чем имеется запись в метрической книге Духовной консистории Тульской епархии Троицкой церкви. Иван Сергеевич проживал в Туле, поселок Кирова, корпус 28, квартира 18, вместе с женой-домохозяйкой Ефимией Ивановной. Служил рядовым в царской армии, а после революции — в Красной армии. С 1919 по 1921 год воевал в составе 421-го стрелкового полка на польском фронте, попал в плен (крепость Модлин в Польше). В конце 1921 года в результате обмена военнопленными Иван прибыл в РСФСР. В 1924–1938 годах работал мастером цеха № 10 патронного завода (№ 76) в Туле. В 1929 году вступил в ВКП(б), партбилет № 088682. Был исключен из партии в связи с арестом (восстановлен в

1989 году, см. газету «Коммунар», Тула, 1989 г.).

9 февраля 1938 года по обвинению в антисоветской агитации, «распространении клеветнических слухов о положении в СССР» Иван Маркин был репрессирован. На самом деле обвинение не соответствовало действительности. Моему родственнику предстояло повышение по службе: из мастеров на должность начальника цеха. Завистники настроили донос и тем самым убили конкурента. По протоколам допроса, находящегося в управлении Федеральной службы безопасности РФ, Иван Сергеевич вину не признал.

Состоял в профессиональном союзе военно-металлической промышленности (членский билет №286637).

Решением Особого Совещания при НКВД СССР от 8 июля 1938 года И.С.Маркин был заключен в ИТЛ на 5 лет. Для отбывания срока направлен в Колымлаг.

28 мая 1940 года, находясь в Севостлаге (лагпункт «Река Утиная»), он обратился с заявлением о пересмотре дела. Прокурор СССР Панкратьев провел проверку и подготовил протест. Постановления Особого совещания по этому протесту в деле нет.

Иван Сергеевич Маркин был освобожден 10 февраля 1943 года, по отбытии заключения. Умер он у себя на родине 30 октября 1950 года.

Постановлением президиума Тульского областного суда от 8 апреля 1957 года Маркин Иван Сергеевич реабилитирован за отсутствием состава преступления. Справедливость восстановлена.

Судьба родного человека типична для людей советского периода нашей истории.

Елена СЕРЕГИНА,
исполнительный директор
Тульского «Мемориала»

Фото из семейного архива автора.

КТО ЖЕ БРОСИТ СВОЕГО РЕБЕНКА?

Музей истории ГУЛАГа в Йошкар-Оле был закрыт в начале июня. Власти Йошкар-Олы собираются провести в нем ремонт. По данным экспертизы, необходимо отремонтировать крышу здания и часть помещений второго этажа. Несколько дней назад из здания вывезли все вещи. Они размещены в предоставленном администрацией столицы Марий Эл складском помещении. О начале ремонтных работ ничего неизвестно.

Николай Аракчеев, председатель республиканской организации «Мемориал» в республике Марий Эл, рассказал «30 октября» о ситуации вокруг возглавляемого им Мемориального народного музея истории ГУЛАГа и о планах Марийского «Мемориала» на 30 октября.

необходимости ремонта, Николай Аракчеев отметил, что после визита в Йошкар-Олу группы членов Совета по правам человека при президенте РФ в июне сохранялась неопределенная ситуация. «Было обещано, что будут выделены средства, но прошло 4 месяца, и меня пока никуда не зовут, ни на какие совещания. А все чиновники, с которыми я общаюсь, говорят: «Денег нет!» Это и понятно — регион у нас бедный, дотационный. То есть деньги будут заложены в бюджет 2019 года, а реально придут только в 2020–2021 годах», — посетовал он.

При такой ситуации, по мнению главы Марийского «Мемориала», музей вполне мог бы располагаться и в прежнем помещении 2 года до начала реального ремонта, занимаясь просветительской и правозащитной работой. «Но ни у кого нет мужества сделать это», — сказал Аракчеев, с сожалением заметив, что если с прежней администрацией у него было совпадение взглядов «процентов на 80», то с новыми властями никакой общности взглядов не наблюдается вообще. «Министерство культуры правозащитной тематикой не интересуется, да и вообще взяло курс на закрытие народных музеев. А мэрия боится помогать, чтобы не попасть под удар республиканских властей», — подчеркнул он.

Аракчеев также с сожалением отозвался о позиции марийской интеллигенции, безразличной к ситуации с музеем. «Интеллигенция Марий Эл молчит, зато за нас вступаются представители интеллигенции Татарстана, по-хорошему завиду-

ющие нам, ведь у нас есть такой музей — кстати, единственный на весь наш большой регион — и добивающиеся, чтобы у них открыли такой же».

24 сентября общественники и деятели науки и культуры Татарстана обратились к главе Марий Эл Александру Евстифееву с просьбой сохранить в первоначальном виде историческое здание, в котором располагался народный музей истории ГУЛАГа в Йошкар-Оле.

«Подчеркиваем, что музей ГУЛАГа — единственный в Поволжье тематический музей, посвященный памяти жертв политических репрессий», — говорится в письме общественников. Авторы обращения напоминают, что во время массовых репрессий в Марий Эл безвинно пострадали десятки тысяч татарстанцев и крымских татар. На территории Марийской АССР в 1940–1953 годах находилась женская исправительная колония НКВД Татарской АССР. Она располагалась недалеко от озера Таир.

По словам Николая Аракчеева, на складе, который был отдан под временное хранение экспонатов (переезд длился 4 месяца, с 1 июня до 1 октября), гнилые доски пола не выдержали веса двух стеллажей с экспонатами и провалились. В результате два стеллажа, купленные мэрией, сломались.

Однако все вышесказанное не означает, что председатель Марийского «Мемориала» опустил руки. «Кто же бросит своего ребенка?» — задает он риторический вопрос. Тем более, что музей пользуется популярностью, став туристическим объектом не только для жителей Марий Эл, но и для туристов из других регионов. «Каждый день приходят заявки от туристов и турагентств, но я вынужден отказывать им. Причем даже когда я говорю, что остались голые стены, народ все равно идет — смотреть эти стены, которые тоже явля-

ются памятником эпохи, и слушать мой рассказ», — говорит глава Марийского «Мемориала».

Сейчас оформляется временная экспозиция и продолжается поиск места, где ее можно было бы развернуть во время ремонта здания музея. По словам Аракчеева, в центре Йошкар-Олы есть несколько пустующих помещений, включая даже 2 закрытых кинотеатра, где вполне могла бы временно разместиться экспозиция. Но чиновники все еще тянут с решением пускать ли музей туда.

30 октября Марийский «Мемориал» собирается провести митинг возле мемориала жертвам репрессий, куда приглашены губернатор и его заместитель, а также мэр города. На митинге Николай Аракчеев надеется задать властям вопрос в продолжение одного разговора с представителем ФСБ во время визита в республику представителей СПЧ. «Там была история, когда я откопал на кладбище череп расстрелянного с пулевыми отверстиями (меня еще потом за это и оштрафовали на 30 тысяч рублей за незаконные раскопки). И вот представитель ФСБ, присутствовавший на встрече с председателем СПЧ Михаилом Федотовым, сказал мне: «Не трогайте эту яму. У нас есть карта захоронений и списки по каждому их них».

С момента этого заявления прошло уже 4 месяца, но ни карту, ни списки так и не предоставили. Но если они есть, что это редкий случай. До этого они говорили, что ничего подобного нет. Вот об этом я и хочу спросить 30 октября», — заключил Николай Аракчеев.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимках: Так до закрытия выглядел музей внутри. И с наружи. Николай Аракчеев. Фото из архива Николая Аракчеева

ПАМЯТИ ДРУГА

3 октября не стало Василия Афанасьевича Вишнякова. Это был редкий свидетель эпохи. Он сам был как живой экспонат Музея ГУЛАГа в Йошкар-Оле — он и его телогрейка с надписью «№ Е-492». О Василии Афанасьевиче писали все марийские газеты, федеральная «Российская газета», а газета Российской ассоциации жертв незаконных политических репрессий «Возрождение надежды» опубликовала целую серию материалов с о нем. «30 октября», рассказывая о музее, публиковала его фотографии.

УЗНИК № Е-492

Мальчишка-подросток, он слыл «грамотеем» в родной деревне Апшак-Беляк Медведевского района Марий Эл. 14-летний парнишка помог безграмотной бабушке написать жалобу о злоупотреблениях местного председателя колхоза.

Впервые встав на защиту многолетних от обмана председателя колхоза, он осмелился написать самому Сталину!

Ответный удар был нанесен, когда 18-летнего Васю комиссовали из-за дистрофии из Сурка — по-

селка, где в 1941 году была школа военных командиров и отсюда новобранцев отправляли на фронт. Тут уж он «загремел по полной» по политической 58-й статье. Арест, конвой, Йошкар-Ола, мрачная, со сводами, сырая, холодная камера, нары и ночные допросы с наганом на столе. Обвиняли его, «благодаря» председателю колхоза, в попытке свержения в колхозе советской власти. «Накопали» народному протестанту на целых 8 лет.

«Попал туда, где выжил чудом, за счет малого веса. До последнего снился ежедневный лай овчарки и грубый окрик вертухая в бараке: «Подъем, все на выход!» — рассказывал Василий Афанасьевич на наших встречах.

По доносу, от звонка до звонка прошедший марийский лесоповал в таежных зонах ГУЛАГа под кодами «Ошла» и «Шушеры», он, сын коренного народа, пережил послевоенный государственный произвол. Там его звали только по номеру «Е-492». В лагере собирал колеса для телег и сани для фронта. За это время от своего имени отвык напрочь. Только через 30 лет его реабилитировали.

Неунывающий оптимист, Василий Афанасьевич до последнего верил в победу добра над злом. Ревниво, по крупицам собирал информацию для музея. Объехал всю страну — Коми, Кавказ, Дальний Восток. Помогал обществу ветеранов, участвовал в художественной самодеятельности, в акции благотворительности для детей в городских и пригородных детдомах, приютах, санаториях. Пел и разговаривал с детьми на родном марийском языке.

Последние 10 лет он полностью посвятил себя работе советником, поисковиком, дворником и консультантом Народного музея истории ГУЛАГа в Йошкар-Оле.

Во время сноса долго отставив от разрушения редкий и уникально сохранившийся первый памятник промышленной истории столицы Марий Эл «Завод с подвалами Булыгина», лично обнаружил вековые кованные, каменные, столярные и другие артефакты, за что был поощрен почетными грамотами законодателей Городского округа и Марий Эл.

Его дети разъехались по стране, а отец отказался покидать малую родину. Не жалуясь на здоровье, он стойко в одиночестве послед-

ние 2 года боролся за жизнь. 9 мая 2018 года врачи дома престарелых «Сосновая роща» впервые были непреклонны — не разрешили идти на празднование Дня Победы. До этого они всегда отпускали его с сопровождающим к нам в музей на культурные мероприятия. Помним, как 30 октября 2017 года последний раз мы были вместе, сидели за одним столом, попили с ветеранами. Он чувствовал себя в тепле, защищенным нашей опекой и заботой.

К сожалению, не обошлось и без странностей, метафорически напоминающих равнодушные колодезь ГУЛАГа. Видно, судьба. Умер он почему-то в социальном учреждении Звениговского района под глазом, без наручных часов, не нашлись награды — медали и знаки отличия. Описи личных вещей его сыну не представили.

В последние месяцы медперсонал не выходил на связь с Марийским обществом «Мемориал». Телефон Василия Афанасьевича пропал. «Кормить нынче стали хуже и почему-то по 3 раза в день вместо пяти. Источен был отец как узник, до неузнаваемости, кожа и кости», — сказал нам его сын Николай.

Стойкий мученик, вечная память Вам. Имя Ваше уже в биографии детей, истории Марийского края, в его наградах.

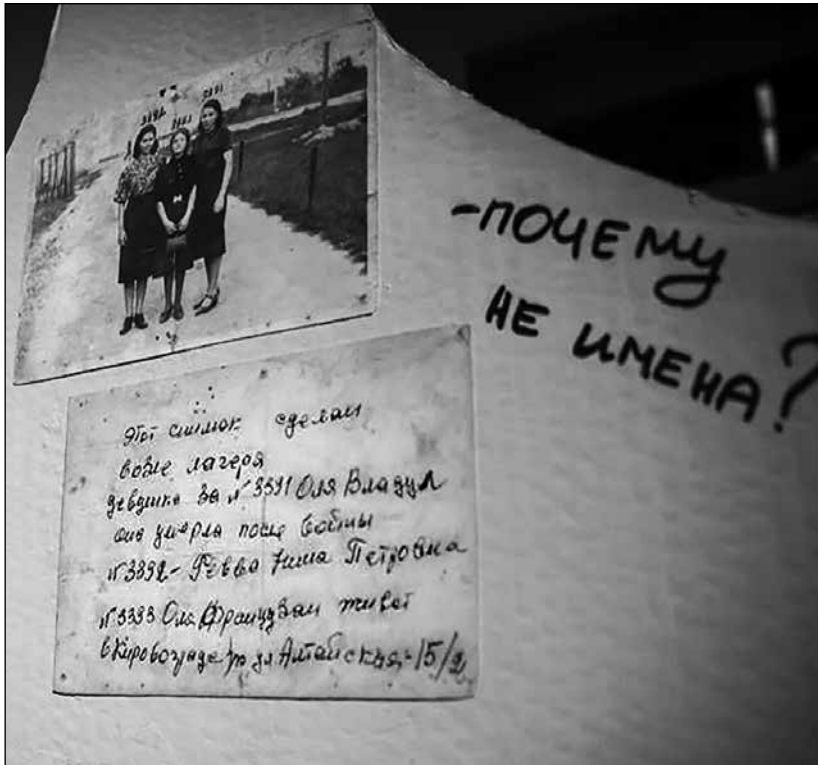
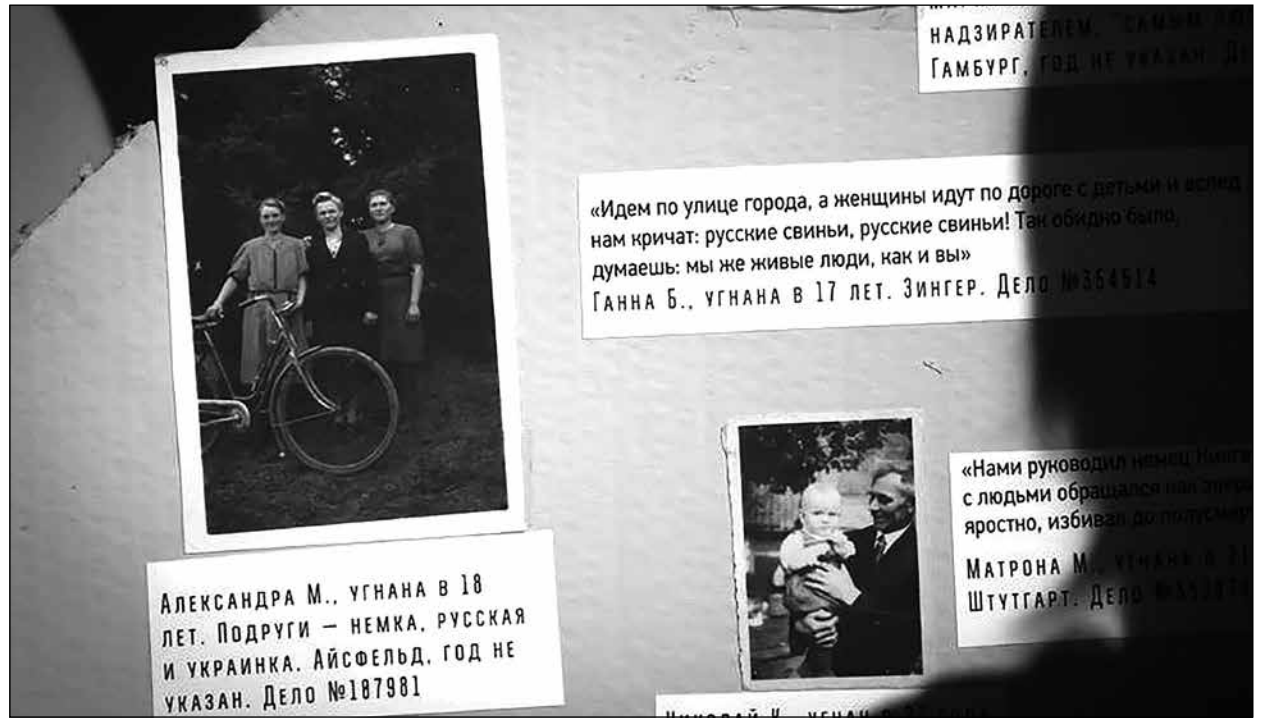
Николай АРАКЧЕЕВ,
Йошкар-Ола

На снимках: Василий Вишняков. Он и его телогрейка в Музее репрессий (Йошкар-Ола). Фото из архива Николая Аракчеева

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ПОД ЗНАКОМ «OST»

В новом филиале Музея Москвы, Центре Гиляровского, с 14 сентября по 14 октября проходила выставка «Postscriptum», посвященная судьбе остарбайтеров — «восточных рабочих» — людей, угнанных на принудительные работы в Германию. Как отмечается в материалах выставки, всего в качестве остарбайтеров в Германию было отправлено, по разным оценкам, от 3,1 до 5,5 миллионов человек. Из них 2,2 миллиона — из Украины и 300 тысяч — из Белоруссии; 83% — женщины и лишь 17% — мужчины; 72% — люди в возрасте от 15 лет до 21 года. Находясь в Германии, они составляли самый низший слой формально свободного населения, а по возвращении домой их долгие годы считали едва ли не предателями.

Выставка была подготовлена «Международным Мемориалом» при поддержке фонда «Память, ответственность и будущее» и премии «Просветитель», жюри которой отметило основанную на свидетельствах из архива «Мемориала» работу «Знак не сотрется». Судьбы остарбайтеров в письмах, воспоминаниях и устных рассказах как лучшую научно-популярную книгу 2017 года.

В интервью «30 октября» куратор выставки Никита Ломакин отметил, что она возникла в результате работы группы московских школьников, решивших разобрать и оцифровать хранящийся в «Мемориале» архив фотографий и документов. Этот архив содержал 320 тысяч писем, пришедших в «Мемориал» в 1990–1991 годах от бывших «восточных рабочих». В итоге годовой работы архив, содержащий 14 тысяч документов, был оцифрован, а самые «говорящие» фотографии и документы были представлены на выставке «Postscriptum».

Наиболее интересные документы, фотографии и фрагменты воспоминаний были рассортированы по 29 рубрикам, охватывающим все стороны жизни «остов» — от агитации на работу в Германию до жизни в СССР после возвращения. Помимо стендов в виде человеческих фигур с документами и фотографиями, на выставке была представлена витрина с предметами, которыми пользовались остарбайтеры, и чемоданами, с которыми они возвращались в СССР. Кроме того, во время работы выставки постоянно транслировался двуязычный (русско-немецкий) документальный фильм, подготовленный по фотографиям и воспоминаниям бывших «восточных рабочих».

Как подчеркнул Никита Ломакин на экскурсии по выставке, основной трудностью при ее составлении стало то, что многие остарбайтеры, видимо, чтобы четче попасть в образ

Окончание на с. 2

МЭРИЯ МОСКВЫ ОТОЗВАЛА СОГЛАСОВАНИЕ «ВОЗВРАЩЕНИЯ ИМЕН»

19 октября 2018 московская мэрия отозвала согласование проведения ежегодной акции «Возвращение имен» на Лубянской площади.

Правление Международного «Мемориала» в заявлении подчеркивает, что это действие возмутительно не столько из-за нарушения властями подтвержденных обещаний (ранее «Мемориалом» были получены все необходимые подтверждения от ФСО, МВД, префектуры ЦАО), сколько из-за отсутствия каких-либо извинений прежде всего перед тысячами людей, которые участвуют в акции.

Соловецкий камень — старейший в стране памятник жертвам тоталитарного режима — был установлен 30 октября 1990 года как результат совместных усилий гражданского общества, общественных организаций,

городских и государственных властей. Он установлен на Лубянской площади, которая сама по себе напоминает о государственном терроре. «Возвращение имен» неразрывно связано с Соловецким камнем.

Поэтому идея попытаться перенести акцию «Возвращение имен» к памятнику «Стена скорби» на проспект Академика Сахарова представляется нам неприемлемой — так же, как невозмож-

но заменить возложение цветов к могиле Неизвестного солдата в Александровском саду каким-то другим ритуалом.

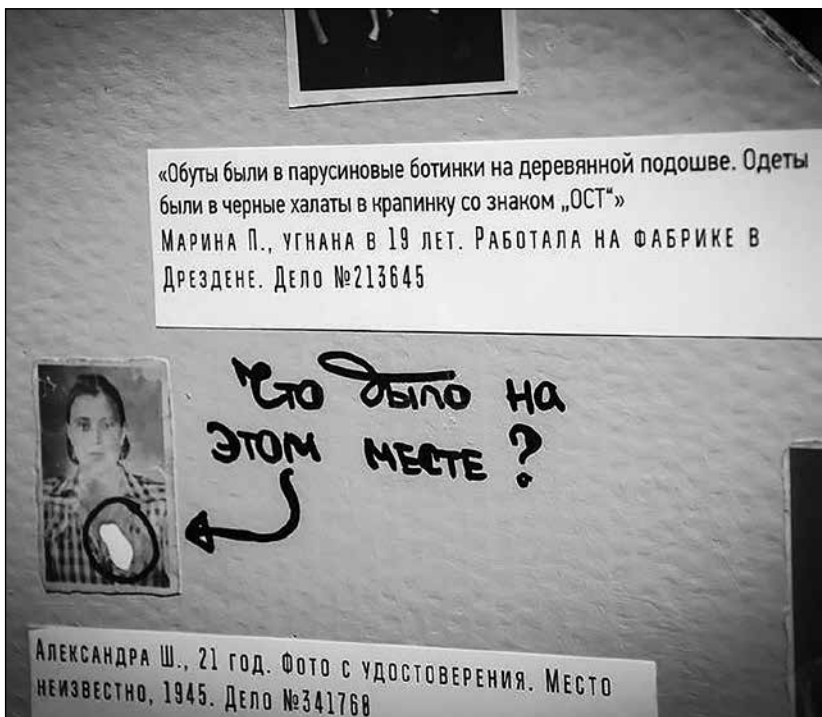
«Возвращение имен» уже давно перестало быть акцией Мемориала, это стало общегородским событием. Информация об акции после получения согласований уже была широко распространена, а многие люди разных поколений и без напоминаний знают, что 29 октября можно прийти на Лубянскую площадь, получить свечу, прочесть имена погибших москвичей и назвать своих репрессированных родственников. И многие все равно придут

на Лубянку, не зная о нарушении мэрией своих обещаний.

Вся ответственность за срыв акции лежит на московских городских властях.

Правление Международного «Мемориала»
19 октября 2018 года.

22 октября на встрече представителей Международного «Мемориала» и мэрии Москвы была достигнута договоренность о проведении 29 октября акции «Возвращение имен» у Соловецкого камня на Лубянской площади. — Примеч. «30 октября»

➤ Окончание. Начало на с. 6

«жертв», описывали свою жизнь в Германии, используя клише о жизни узников концлагерей, внедренные советской пропагандой. Хотя в реальности отношение немцев к остарбайтерам было очень разным — от ругательства типа «русская свинья!» до вполне доброжелательного. Различной была и ситуация с помощью рождавшимся детям — вплоть до того, что в некоторых местах администрация нанимала специальную няню из числа остарбайтеров. Менялась и ситуация, в которой жили «осты»: бывшие вначале жесткими, ограничения к концу войны были частично смягчены, к примеру, «остам» разрешили ходить в города.

Освобождение в 1945 году тоже было не совсем таким, как об этом рассказывала советская пропаганда. Большинство остарбайтеров находились в Западной Германии, где была сосредоточена германская промышленность, и освобождали их войска союзников, которые временно разместили «восточных рабочих» в лагерях для перемещенных лиц, откуда немалая их часть проследовала не на восток, а на запад. Советские же солдаты при освобождении той или иной территории от гитлеровских войск часто не видели разницы между немцами и не-немцами, в результате чего многие девушки из числа «остовок» подверглись изнасилованиям.

Для того чтобы вернуться в СССР, бывшим «восточным рабочим» пришлось пройти проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ) НКВД СССР. Вопреки легендам, в ГУЛАГ по-

пало мало остарбайтеров. Часть из них на несколько лет оставили работать при советских воинских частях в Германии — фактически для них принудительный труд продолжился, только под иной вывеской. Эти люди смогли вернуться в СССР только в 1947 году. Многие других остарбайтеров вместе с пленными немцами отправили в составе так называемых строительных батальонов восстанавливать Донбасс, Ленинград и Сталинград. Некоторые девушки-остарбайтеры смогли «исчезнуть» из поля зрения сотрудников НКВД, выйдя замуж за военных, но эта история «аукнулась» им: когда ФРГ объявила о готовности выплатить компенсации тем, кто трудился на полях, заводах и шахтах Третьего рейха, у этих женщин не оказалось справок НКВД, подтверждавших эту работу. Их товарищи и товарки по несчастью, сдавшие в ПФЛ все документы о работе у немцев, такие справки имели...

Что касается жизни «остов», вернувшихся в СССР, где их, по словам Ломакина, не очень-то и ждали, то они всячески стремились скрыть следы своего пребывания в Германии — к примеру, на сохранившихся фотографиях часто выскабливали знак «Ost», а на открытках замазывали почтовые марки с изображением Гитлера.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимках: Посетители и экспонаты выставки.
Фото автора и Натальи Йозеф

28 сентября в Центральном доме литераторов прошел вечер памяти Наума Коржавина (1925–2018) — поэта, репрессированного в позднесталинские годы, а в 1970-х вынужденного эмигрировать в США. Коржавин скончался в американском городе Дарем 22 июня 2018 года. В своем завещании он просил похоронить его в России. За несколько часов до мероприятия в ЦДЛ урна с прахом Коржавина была захоронена на Ваганьковском кладбище.

В своем вступительном слове дочь поэта Елена Рубинштейн подчеркнула: «Он всегда жил только Россией, и теперь папа в Москве навсегда».

Бывший посол России в США и полномоченный по правам человека в РФ Владимир Лукин продолжил тему, отметив, что «теперь установилась гармония — поэт окончательно воссоединился со своей родиной».

На вечере говорили как о человеческих качествах Коржавина, так и его отношениях с советским режимом. Ведущий вечера кинорежиссер Павел Чухрай подчеркнул, что его всегда поражала широта взглядов поэта, его доброжелательное отношение к самым разным людям — даже к тем, кто плохо относился к нему самому.

Евгений Сидоров, первый секретарь Союза писателей Москвы, вспоминал, что Коржавин был одним из самых умных поэтов, встречавшихся ему в жизни. Вдова Александра Солженицына Наталья Солженицына, рассказав о переписке между ее мужем и Наумом Коржавиным, охарактеризовала его как «честного, умного, ответственного и чувствующего сердцем». Владимир Лукин говорил о Коржавине как об «одном из самых чистых, удивительных, ясных и систематических умов, с которыми приходилось встречаться». Впрочем, из этого не следует, что поэт был таким добродушным сибаритом в «башне из слоновой кости». Павел Чухрай подчеркнул, что поэт неоднократно говорил: «Хочешь быть героем — будь им».

Генри Резник рассказал, что Коржавин подписывал пись-

ПОЭТ РЫВКА К СВОБОДЕ

ма в защиту Андрея Синявского и Юлия Даниэля, а также в защиту участников так называемого «Процесса четырех» (процесс над Юрием Галансковым, Александром Гинзбургом, Алексеем Добровольским и Верой Лашковой, прошедший 8–12 января 1968 года в Мосгорсуде. Их судили за составление сборника «Белая книга», посвященного делу Синявского и Даниэля. Всем четверым подсудимым было предъявлено обвинение в «антисоветской агитации и пропаганде». — Примеч. «30 октября»).

Однако на вопрос, стоит ли вовлекать в протестное движение молодых студентов, в ответ на мнение Бориса Балтера, что студенты «тоже свободные люди», Наум Коржавин возразил: «Не надо ломать жизнь молодым». Балтер, автор знаменитой повести «До свиданья, мальчики!», познакомил Генри Резника и Наума Коржавина.

Владимир Лукин назвал Коржавина великим русским поэтом, отметив, что именно Коржавин стоял на первом месте в том списке из нескольких имен, на примере которых его поколение, «младшие шестидесятники», училось «достигать, что такое хорошо и что такое плохо». «Это были люди рывка к свободе. И в этом рывке Коржавин сыграл большую роль своей позицией, своим существованием». Лукин также рассказал о том, как во время награждения премией «Поэт» Юлия Кима в 2015 году Евгений Евтушенко выступил с речью, что больше всех из присутствующих этой награды достоин именно Коржавин. «И во многом благодаря этим словам Евтушенко началось движение, которое завершилось присвоением Коржавину этой премии в 2016 году», — подчеркнул Владимир Лукин.

Евгений Сидоров также назвал произведения Коржавина кодексом поведения не только литератора, но и любого человека, живущего в своей стране.

Как рассказал еще один выступавший, Евгений Ехнин, троюродный брат поэта, Коржавин очень не хотел эмигрировать, и в начале 1970-х говорил ему: «Я не хочу уезжать, но я им сказал такое, что после этого они меня терпеть не смогут».

Один из эпизодов «такого» поведения в своем выступлении Лиля Колосимо, дочь московских друзей Коржавина: «Однажды, после того как стихи Коржавина опубликовал журнал «Грани», его вызвали на Лубянку, и следователь, издали показывая ему публикацию, спросил: «Что вы думаете об этом?» Наум Моисеевич подслеповато прищурился и ответил: «Опечаток много».

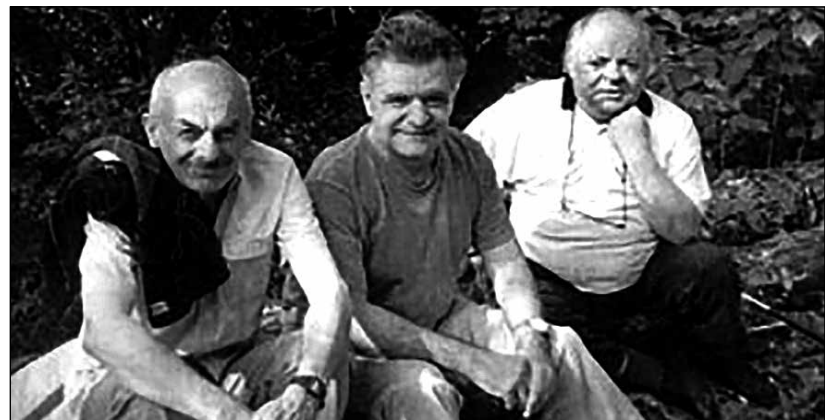
На вечере также выступили поэт Евгений Бунимович, дочь поэта Валентина Берестова, Вероника Долина, Марина Бородинская, Вероника Штейн.

Подводя итоги вечера памяти, Елена Рубинштейн сказала, что она опасалась, что никакой церемонии и памятного вечера не получится. «Но все получилось, и произошло это благодаря этим людям, которые любят моего папу», — сказала она.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимках: Наум Коржавин, 2000-е годы.
Булат Окуджава, Фазиль Искандер
и Наум Коржавин, 1970-е годы

Фото Владимира Вяткина
и из архива ИПЦ «Мемориал»

Наум Мандель (Коржавин — литературный псевдоним) родился 14 октября 1925 года в Киеве в еврейской семье. Рано увлекся поэзией.

Эвакуация из Киева в самом начале войны спасла семью Манделей от Бабьего Яра. Родственники — дяди и тети, оставшиеся в городе, — погибли от пуль фашистов и украинских полицаяв 29–30 сентября 1941 года.

Мандели эвакуировались на Урал, в город Сим Челябинской области.

В 1944 году Наум Мандель приехал в Москву и попытался поступить в Литературный институт им. А.М.Горького, но попытка оказалась неудачной. В 1945 году он поступил в Литературный институт. Среди его соседей по комнате в общежитии были, в частности, Расул Гамзатов и Владимир Тендряков.

В 1947 году, в начале сталинской кампании по «борьбе с космополитизмом», Коржавин был арестован. Около восьми месяцев он провел в изоляторе министерства госбезопасности СССР и в Институте им. Сербского. В результате он был осужден постановлением Особого совещания (ОСО) при МГБ и приговорен к ссылке как «социально опасный элемент». Осенью 1948 года он был выслан в Сибирь и около трех лет провел в селе Чумаково Новосибирской области. В 1951–1954 годах отбывал ссылку в Караганде.

В 1954 году, после амнистии, Коржавин получил возможность вернуться в Москву. В 1957 году он был реабилитирован, восстановился в Литературном институте и окончил его в 1959 году.

Еще с 1954 года поэт зарабатывал себе на жизнь переводами, а в период «оттепели» начал публиковать собственные стихи в журналах. Более широкую известность ему принесла публикация подборки стихов в поэтическом сборнике «Тарусские страницы» (1961).

В 1963 году при содействии Евгения Винокурова вышел сборник Коржавина «Годы», куда вошли стихи 1941–1961 годов. В 1967 году Театр им. К.С.Станиславского поставил пьесу Коржавина «Однажды в двадцатом».

Многие стихи Коржавина распространялись в самиздатских списках. Во второй половине 1960-х Коржавин выступал в защиту Даниэля и Синявского, Галанскова и Гинзбурга. Это привело к запрету публикации его произведений.

В 1973 году после допроса в прокуратуре поэт подал заявление на выезд из страны, объяснив свой шаг «нехваткой воздуха для жизни». Коржавин уехал в США и обосновался в Бостоне. Владимир Максимов пригласил его в состав редколлегии журнала «Континент». В 1976 году во Франкфурте-на-Майне (ФРГ) вышел сборник стихов Коржавина «Времена», в 1981 году там же — сборник «Сплетения».

В постперестроечную эпоху у Коржавина появилась возможность приезжать в Россию и проводить поэтические вечера. Первый раз он приехал в Москву по личному приглашению Булата Окуджавы во второй половине 1980-х годов.

Поэт вместе с дочерью жил в университетском городке Чапел-Хилл, штат Северная Каролина.

ПРОТОКОЛЫ ЕЖОВА И ВЫШИНСКОГО

Историк Сергей Прудовский на основании документов, обнаруженных им в архиве УФСБ Омской области, рассказал о том, как происходило документальное оформление так называемой польской операции. Встреча «Польская операция в документах Комиссии НКВД и Прокурора СССР» прошла 18 сентября в помещении «Международного Мемориала» в рамках семинара «Государственный террор в СССР: история и методики изучения».

Сергей Прудовский наткнулся на протоколы комиссии, когда занимался еще одной «национальной операцией» — харбинской, по которой проходил его дедушка. «Я узнал, что архивы НКВД были вывезены в другой город. В конце 1960-х они оказались в Омске. Я позвонил туда. Мне ответили: приезжайте и работайте. Причем протоколы очень хорошо сохранились», — отметил он.

Предметом его рассмотрения стали протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР — пресловутой «двойки» Ежова и Вышинского, высшей и единственной инстанции для дел такого рода. Всего с 25 августа 1937 года по 5 ноября 1938 года комиссия рассмотрела 1232 протокола на 105 281 человека, из них 83 218 человек были приговорены к расстрелу. При этом некоторые дела по разным причинам представля-

какого отношения к польской разведке, были принуждены путем избиений признать свою принадлежность к ПОВ» (ПОВ — «Польская организация войскового», якобы существовавшая в СССР пропольская военизированная организация).

Об одном из таких дел, которое появилось во многом из-за желания чина из райотдела НКВД завладеть приглянувшейся квартирой, рассказала редактор базы данных жертв

Сундаков. Он же руководил и работой с альбомами.

«На страницах ставились буквы и цифры: «Р» означало расстрел, «ВКВС» — передать дело в Военную коллегию Верховного суда, «ВТ» — передать дело в военный трибунал, «Суд» — если дело передавалось в обычный суд, «Высылка» — ограничиться высылкой из страны или ссылкой. Цифры «10», «8», «5» означали сроки заключения в исправительно-трудовом лагере (ИТЛ), к которым предполагалось приговорить человека.

В основном при принятии решений сотрудники НКВД руководствовались предложениями с мест. Затем из альбомов изымались справки на тех, кто получал приговор к тюремному заключению. Их дела оформлялись через ОСО — Особое совещание. Альбомы вновь шивались, и уже в таком виде подавались на подпись», — рассказал историк.

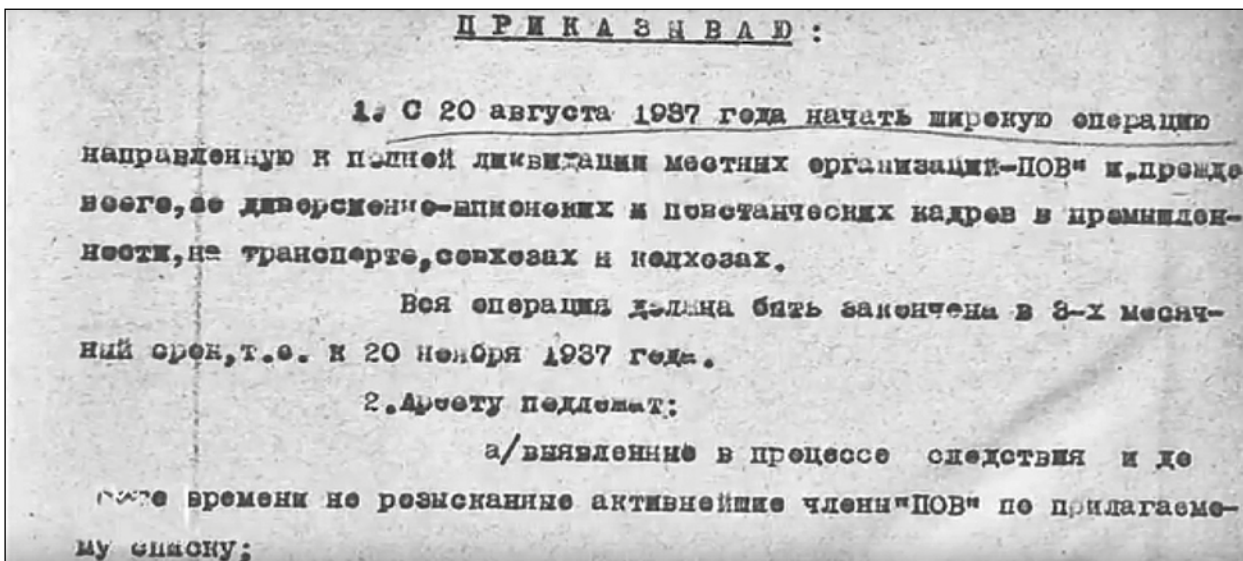
Подписанные протоколы тем же 8-м отделом рассылались в регионы, откуда они поступили. При этом, как подчеркнул Сергей Прудовский, в протоколах время от времени встречались ошибки. Это были как относительно безобидные опечатки в фамилиях и датах рождения, так и более серьезные ошибки. Так удалось обнаружить в одном

тикой, частично завышением данных и по рассмотренным делам, и по приговорам и пересмотрам дел.

Никита Петров со своей стороны отметил, что нужно понимать, на основании чего Кремнев-Сундаков составлял этот отчеты. «Вероятно, он базировался на поступавших пяти- и десятидневных отчетах региональных управлений. И, видимо, какие-то области предоставляли дефектные сведения», — подчеркнул он. Прудовский также заметил по этому поводу, что, вероятно, при подсчете у сотрудников НКВД «перемешались данные».

Что же касается отсутствия фамилий осужденных в Книгах Памяти, по словам Петрова, это вызвано тем, что в книгах обычно упомянуты реабилитированные люди из этого региона, а также те, чьи дела находились в этом управлении НКВД. «А многие дела переслались в Москву, где из-за огромного числа репрессированных в Книги Памяти включали только расстрелянных», — отметил историк.

По мнению Петрова, решить этот вопрос возможно при обращении к базе данных Главного информационного центра МВД, где хранятся данные обо всех арестованных, с указанием, где и когда произведен арест. «Это работа, которая должна быть сделана государством. И это

При этом, по его словам, в последние годы условия работы с документами в архивах ухудшились. «Когда архивное управление ФСБ возглавлял Христофоров, была договоренность, что будут даваться копии документов. Но в 2016 году Христофорова сняли, и теперь и копии не дают, и самому их снимать не разрешают», — отметил Сергей Прудовский.

В итоге документы пришлось переписывать и затем перепечатывать силами волонтеров. Присутствовавший на семинаре Никита Петров, заместитель председателя совета Научно-исторического и просветительского центра «Мемориал» и один из ведущих специалистов по истории советских карательных органов, отметил, что работа Сергея Прудовского носит прорывной характер. «Открыт огромный пласт неизвестных ранее материалов. О протоколах комиссии упоминали, но никто их толком не видел», — сказал он.

лись на комиссию вторично и даже в третий раз. Если говорить о числе дел, то самое большое число осужденных по польской операции дала РСФСР — 45 828, а Украина, где вроде бы и должны были концентрироваться поляки, оказалась на втором месте с 42 830 осужденных.

В РСФСР первое место по числу арестованных поляков было у Ленинграда, где было арестовано 6702 человека. При этом количество арестованных к высшей мере наказания (ВМН) было наибольшим в Белоруссии — там этот приговор получили 94% арестованных в рамках «польской операции», а в РСФСР эта цифра составляла 74%.

Для иллюстрации того, как фабриковались дела, Сергей Прудовский процитировал показания Аркадия Постеля, начальника 3 го отдела УНКВД по Московской области, который после своего собственного ареста рассказал, что в рамках «польской операции» «целый ряд поляков, не имевших ни-

репрессий Екатерина Мишина. Она отметила, что ставший жертвой этого дела Стригуцкий вообще не был поляком, а был белорусом. Дело было настолько притянуто за уши, что в феврале 1939 года этот человек (и еще как минимум 12 проходивших по этому делу) был освобожден, а о его деле в служебной переписке НКВД было написано «было сфабриковано врагами народа, пробравшимися в органы НКВД».

Как рассказал Сергей Прудовский, на арестованных составляли специальные справки, которые шивали в альбомы, поэтому сами операции получили название «альбомных». В альбомы также могли входить мемуары на те организации, в принадлежности к которым арестованные обвинялись.

Эти альбомы отправлялись в 8-й (учетно-статистический) отдел ГУГБ НКВД, которым сначала руководил майор Цесарский, а с марта 1938 года — лейтенант Кремнев-

их протоколов ошибку в напечатанном приговоре, когда двум женщинам, осужденным в рамках «польской операции», вместо заключения в ИТЛ ошибочно напечатали в графе «Приговор» — расстрел. В дальнейшем, когда был арестован сам Кремнев-Сундаков, эта история была поставлена ему в вину.

Также были и протоколы с пересмотренными решениями — как пересмотренные через небольшое время (таких протоколов было всего 18 — обычно на одного, очень редко на двух человек, при этом у большинства из них наказания были смягчены, но у двух человек, наоборот, заключение в лагерь заменено на ВМН), так и пересмотренные в конце деятельности комиссии в октябре 1938 года.

Как рассказал Прудовский, среди документов «польской операции» сохранились и материалы, дающие представление о том, как оформлялся расстрел заключенных: «Вручали предписание коменданту Бутырской тюрьмы о выдаче заключенного Блохину (главе расстрельной команды НКВД в 1920-х — начале 1950-х годов. — Примеч. автора), и давали предписание Блохину о приведении приговора в исполнение».

На семинаре возникла дискуссия о причинах расхождения итогового отчета НКВД по «национальным операциям» и данных протоколов комиссии Ежова-Вышинского по числу приговоренных к ВМН, а также о причинах отсутствия в региональных Книгах Памяти ряда людей, упомянутых в протоколах.

Сергей Прудовский рассказал, что, сверяя данные протоколов по Омской области с региональными Книгами Памяти, он выяснил, что около 300 человек в этих книгах отсутствовали. Он объясняет такое расхождение частично арифме-

небольшое усилие — нужно проявить политическую волю, когда государство скажет, что нужно почтить память».

Александр Гурьянов объяснил собравшимся, откуда поляки появились на территории Советского союза. Самое массовое появление на произошло в 1915 году — это была массовая эвакуация примерно полтора миллиона человек. К 1936 году оставалось, по статистическим справочникам, примерно 640 тысяч советских граждан польской национальности. Уменьшение их количества связано с обратной репатриацией в начале 1920-х годов. Долгое время считалось, что те, кто подпал под приказ № 00485, были представителями польской компартии с опытом подпольной работы. Тут надо понимать пропорции: если в рамках «польской операции» были репрессированы 144 тысяч человек, то польская компартия насчитывала всего 7 тысяч членов, из них 5 тысяч находились на территории СССР. Из этого следует, что основная масса репрессированных — не коммунисты, а простые люди.

Никита Петров также отметил, что далеко не все репрессированные по «польской линии» были этническими поляками. В эту группу входили и люди, тем или иным способом связанные с Польшей.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимках: Сергей Прудовский,
Александр Гурьянов,
Никита Петров (справа).

Копия приказа о начале польской операции.
Фото фрагмент видеозаписи из архива
НИПЦ «Мемориал»

Молча склоняю голову перед мужеством живущей в Харькове Жанны Ивановны Овчинниковой, дочери репрессированного при Сталине поэта Ивана Каляникова, которая свою жизнь посвятила розыску сведений о нем и увековечению его памяти. В начале 1990-х годов она переслала брянскому литературоведу, моему другу Владимиру Парыгину копии документов, произведений, фотографий отца, и ныне все это вместе с более чем десятью ее письмами хранится в Брянском областном музее. С помощью этих и других материалов удалось восстановить перипетии судьбы Ивана Каляникова, члена Союза писателей СССР, поэта, переводчика.

ИВАН КАЛЯНИК ИЗ ДОМА-ЛОВУШКИ «СЛОВО»

Иван Каляников родился 20 марта 1911 года в семье служащего в селе Дятково (сейчас это город) Брянской области. В 1922 году, будучи учеником дятковской средней школы, Иван вместе с родителями переехал в Харьков. В 1926 году, после окончания семи классов, 15-летний Ваня возвратился в Дятково, жил в семье братьев мамы — Василия Яковлевича и Елизаветы Григорьевны Лавреновых. Здесь 7 февраля 1928 года он пишет свое первое стихотворение «Мамочке». В 1928 году Иван заканчивает среднюю школу, возвращается в Харьков к родителям и поступает в школу фабрично-заводского обучения. После ее окончания он работал на Харьковском паровозостроительном заводе, занимался в заводской лит. студии, писал для многотиражной «Харьковский паровозник» и для рукописного литературного журнала «Новый цех».

В книге «И сотворил себе кумира» Лев Копелев вспоминает: «Осенью возникло новое литературное содружество «Порыв». Заводилами в нем были Иван Каляник и Сергей Борзенко. Иван, самый талантливый, да, пожалуй, и самый умный из нас, любил прикидываться этаким протачком-Иванушкой, наивным увальнем... Потом он стал писать по-украински. Он работал в сталелитейном цеху разметчиком. На огромной плите размечал еще горячие отливки для первичной «черновой» обработки...»

Он много пишет о труде, о рабочих Украины, помня и о брянских корнях: присылает стихи в газету «Брянский рабочий». Московские журналы «Красная новь» и «Огонек» также публикуют его образные, с буйной фантазией стихи... Нравятся они и классику Павлу Тычине. Он советовал Ивану писать для рабочих на родном для них украинском языке, стал помогать ему. В это время Иванко, как его зо-

вут друзья, взял литературный псевдоним — Иван Каляник.

В 1931 году он с друзьями Теренем Масенком, Василием Мисником и другими поступает в техникум востоковедения. В 1932 году группа едет на практику в Таджикистан. Проехав по известным местам Средней Азии, по горам и кишлакам, многие заболели тропической лихорадкой, и группа, прервав практику, вернулась домой. Там же Иван Каляник написал стихи в честь жены Александры, впоследствии составившие цикл стихов о любви. Именно в 1932 году он женился на Александре Васильевне Щербаковой, работавшей экономистом на фабрике им. Тинякова. В том же году у них родилась дочь Жанна. А впечатления от Средней Азии Каляник будет воплощать в стихи вплоть до расстрела в 1937 году.

В 1931 году у 20-летнего поэта выходят одна за другой 3 стихотворных книги: «Бригадир», «Поток», «Черты лица»; в 1932 и 1933 годах — по одной книге; в 1934-м — вновь 3 книги: «Майдан», «Восточные новеллы», поэма «Товарищ Карий»; в 1936 году в Киевском Литиздате вышла последняя прижизненная книга «Гордость».

А в 1939-м, когда Каляника, «врага народа», уже не было в живых, вышла его книга «На подъем». Как это могло произойти, исследователи не могут понять.

Думаю, Владимир Парыгин не преувеличивает, утверждая, что Каляник становился явлением в украинской поэзии. В 1932, 1933, 1935 годах о нем писала «Литературная газета», другие серьезные издания. Если мы заглянем в его книгу «Стихи», изданную в 1959 году, то встретим: «После чтения Ремарка», «Из Омара Хайяма», «Король Лир», «Песни веселого Клеанта», «Френсис Дрейк»... Это говорит о глубоких знаниях поэта, без которых он не мог бы создать произведения на столь далекие от

«музыки заводов и фабрик» высокие темы любви и нравственности. Высокообразованными, талантливыми были и его наставники — М.Бажан, М.Рыльский, В.Сосюра.

Известно, что в 1923 году в Харькове обосновалась почти вся литературная элита Украины. Писатели направили Сталину прошение о строительстве для них дома, и дом к осени 1928 года был построен на ул. Культуры, 9. На кооперативные паи зарабатывали кто как мог: литераторы, в ущерб творчеству, корпели над переводами, а, скажем, жена писателя Н.Дукина трудилась по 2 смены в школе. Роскошь этой пятиэтажки: двух-, трех- и четырехкомнатные квартиры, на шестом этаже — уникальный по тому времени солярий и душевые кабинки. В квартирах — ни кухонь, ни крапов с горячей водой, ни электро-, ни газовых плит, одна общая столовая на всех. Все рожицы должны были работать, складывая грудных детей вместе в яслях, прямо в доме... Архитектор М.Дашкевич спроектировал дом в духе конструктивизма, он напоминает с высоты букву «С». И назвали дом «Слово» — первый в СССР дом для писателей. В его создании участвовал сам председатель совнаркома Украины В.Я.Чубарь.

Если бы знал 23-летний поэт Иван Каляник, получивший в этом доме в январе 1934 года просторную двухкомнатную квартиру, в какую сталинскую ловушку он попал с женой Александрой и двухлетней дочерью Жанной, то, скорее всего, отказался бы от такого иезуитского подарка компартии. Но он не думал об этом. По словам его дочери, эти годы, 1930—1936, у отца были заполнены до краев работой, встречами с друзьями-писателями, главные из них — Григорий Эпик (1901—1937) и Николай Кулиш (1892—1942). Кулиша арестовали в 1934 году, в 1937-м он пропал без вести. Его реабилитировали в 1956-м.

Впоследствии первые обитатели дома «Слово» прозвали свои «райские» квартиры «камерами предварительного заключения». Все телефоны, а они были в каждой квартире, прослушивались. Половина жильцов «стучала» в НКВД. Это косвенно подтверждает чудом сохранившаяся в Харьковском литературном музее «Инструкция по работе с надземным и подземным населением», для внутреннего пользования чекистов, подлежа-

щая обязательно уничтожению: для разных категорий «стучачей» (литераторов, домработниц, шахтеров...) в НКВД были разработаны свои методы работы и свои вопросы.

Специалист Харьковского литературного музея Ольга Резниченко рассказала, что «писатели один на одного «стучали», это был такой порядок вещей. Антонина Кулиш, жена Николая Кулиша, предполагала, что, возможно, доносчиком на ее мужа был драматург Иван Днипровский. Сотрудничать с НКВД последний якобы согласился в обмен на свободу собственной жены Марии Пилинской. Начиная с 1928 года, особы склоняли женщину к доносам на мужа и регулярными «доверительными» беседами довели ее до нервного срыва. Чтобы охранить душевное спокойствие супруги, Днипровский, говорят, предал лучшего друга».

Вселяясь в дом «Слово», Иван Каляник знал, что репрессии в этом доме начались в 1932 году. А 3 марта 1934 года прошел первый в Украине внесудебный закрытый процесс — Олеся Досвитного, Сергея Пилипенко и Остапа Вишнего обвинили аж в подготовке убийства второго секретаря ЦК КП(б)У П.Постышева, главы Совнаркома УССР В.Чубаря и особоуполномоченного ОГПУ в УССР В.Балицкого. Первых двух «террористов» расстреляли, а Вишне дали 10 лет лагерей.

После убийства Кирова в 1934 году почти каждый день «черный воронок» увозил из дома «Слово» писателей на расправу, а если нужного человека не было дома, забирали кого нашли: так, вместо отсутствующего соседа арестовали молодого поэта-переводчика Василия Мысика... Из этого 62-квартирного дома 2 писателя покончили с собой, 13 сослали в лагерь, 33 расстреляли. Семья арестованного обязана была покинуть квартиру — его жена и дети считались «врагами народа», их выслали в Казахстан. А в еще не освобожденную квартиру с нетерпением ждал вселения очередной писатель, с убеждением в том, что уж он-то не «враг народа», и его не арестуют. Но и он попадал в сталинскую ловушку...

17 сентября 1936 года Иван Каляник писал отцу: «Мы все живы и здоровы, за исключением меня, который тоже впол-

не здоров, но просто угнетен той атмосферой, которая снова была создана вокруг меня в связи с последними общесоюзными событиями. Сегодня в 6 ч. вечера иду на прием к нашим руководителям на решительный разговор. Напишу обязательно о результатах».

Но бесполезно было доказывать что-то властям, если ты попал в разгар охоты на инакомыслящих. Как сообщает дочь Каляника, 4 ноября 1936 года он был арестован в своей квартире. Протокол обыска, за № 1036 гласил: «...Согласно полученным указаниям, задержан гр. Каляник И.И. Изъято для представления в Харьковское управление НКВД УССР следующее...» Из 30 пунктов изъятого 20 были — книги, записки, переписка, остальные 10 — личные документы, портрет Александра I, фотографии близких, телефонная книга. Среди изданий были книги К. Грушевского — его «История Украины-Руси», «Украинский народ», «Украинские народные думы».

После ареста Каляник попал в Харьковскую тюрьму. Помощник начальника 3-го отделения секретно-политического отдела харьковского областного управления НКВД УССР Замков, рассмотрев материалы дела, будто бы свидетельствующие о том, что Иван Каляник «был участником контрреволюционной фашистской террористической организации, которая имела цель бороться с советской властью», постановил держать его «под достойной охраной в спецкорпусе №1», чтобы он «не смог прятаться от суда и следствия». Следователь Лисицкий вел допросы, но поэт не признавал за собой никакой вины. Пять раз ему продлевали срок за решеткой. Из тюрьмы Иван Каляник прислал жене письмо от 6 марта 1937 года, просил жену достать и принести ему книги «Сталин» Анри Барбюса, «Прикованный Прометей» Эсхила. И в этом же письме: «Декабрь был у меня очень урожайный: писал ежедневно, написал новую книгу. Тут очень много вещей, на которые раньше не обращал внимания — понял до точки». При этом он был уверен, что с ним произошла ошибка, и все встанет на свои места...

Кстати, в начале 1989 года КГБ Харьковской области ответило дочери поэта, что никаких литературных произведений в деле Каляника не сохранилось. Значит, уничтожили.

Как удалось выяснить Жанне Ивановне, 13 апреля 1937 года ее отца перевели в спецкорпус Киевской тюрьмы, где жесточайше пытали, добившись признания его принадлежности к украинской контрреволюционной национал-фашистской организации. Обвинение: ст. 54 пп. 8—11 УК УССР (аналогичная статье 58 УК РСФСР — Примеч. ред.). Короче, записали в украинские националисты, хотя он к украинскому национализму не имел отношения. На закрытом судебном заседании 14 июля 1937 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Ивана Каляника к ВМН — высшей мере наказания, расстрелу. 15 июля 1937 года 26-летнего поэта расстреляли...

Окончание на с. 10

На снимках: Дом «Слово», 1950-е годы. Иван Каляник с женой Александрой. Фото из архива В.П.Парыгина

ИВАН КАЛЯННИК ИЗ ДОМА-ЛОВУШКИ «СЛОВО»

➤ Окончание. Начало на с. 9

«После ареста отца, — вспоминала в своем письме Парыгину дочь поэта, — нас с мамой пересели в полуподвал, а осенью 1937-го арестовали и маму, как жену «врага народа». Меня взяли к себе дедушка с бабушкой. Наша квартира в доме «Слово» была опечатана и вещи конфискованы. Я посылаю Вам копию открытки от мамы по пути в лагерь. Мама отбывала срок в лагерях Томска, станция Яя Кемеровской области...»

У Жанны Ивановны сохранилась открытка отца из Киевской тюрьмы. После июля 1937 года семья не имела никаких сведений о нем — ни суда, ни приговора. Мать Ивана Калянника Анна Яковлевна с малолетней внучкой Жанной постоянно ходила на приемы в разные органы. В мрачных холодных коридорах Жанна ожидала бабушку... В 1940 году получили отказ в пересмотре дела, когда Ивана Калянника давно не было в живых. Его дочь помнит, как зимой 1940—1941 годов приходили к ним какие-то мужчины, передавали привет от отца, и она хорошо запомнила радость бабушки. Кому и зачем нужна была эта махровая ложь...

Страшное горе обрушилось на семью во время оккупации Харькова: полицией выстрелом в спину убил Анну Яковлевну.

«После освобождения Харькова мы вместе с дедушкой (отцом Ивана Калянника Иваном Тимофеевичем — Примеч. автора) не переставали писать слезные письма во все инстанции, — вспоминала Жанна Ивановна. — Я лично писала Калинин, и вот уж не знаем почему, но маму освободили в конце 1943 года. Пораженная в правах на 5 лет, она не имела права вернуться в Харьков. Получила только возможность съездить в Харьков и забрать меня к себе в город Мариинск Кемеровской области, где она обосновалась после освобождения».

30 мая 1956 года Жанна Ивановна из Томска, где она в это время жила и училась, отправилась в Верховный Совет СССР с заявлением о реабилитации отца. А в Харькове одновременно с ней этим же занималась и бабушка. Их заявления блуждали по разным инстанциям почти 2 года, были опрошены многие писатели и, наконец, в начале 1956 года семья получила свидетельство о смерти, а в 1958 году — справку о реабилитации. «Мы все были уверены, что отец был осужден без права переписки, умер где-то в лагере в 1939-м, как было сказано в свидетельстве о смерти. Оказалось, свидетельство о смерти — липа! Славу богу, что ни дедушка (умер в 1963 г.), ни мама (умерла в 1985 г.) не узнали страшной правды о судьбе отца».

В ноябре 1988 года Жанна Ивановна была в Москве на «Неделе совести» общества «Мемориал». Ей посоветовали обратиться в Военную коллегия Верховного суда СССР, и 12 декабря 1988 года она получила ответ — страшное известие, для которого не существует срока давности. Она несколько дней не могла прийти в себя, а потом собралась с силами и пошла в Харьковский КГБ с заявлением, просила ознакомиться с делом отца. К заявлению было приложено ходатайство Харьковской писательской организации. Очень хотелось ей

узнать состав той страшной организации, в которую входил отец, а главное — кто же его оклеветал. Ее пригласили в КГБ, и сотрудник КГБ, по словам Жанны Ивановны, не выпуская из рук папку с делом, уточнил дату расстрела — 15 июля 1937 года, место захоронения неизвестно. Ознакомиться с делом не дали, ссылаясь на секретность.

По этому вопросу дочь поэта написала в ЦК КПСС — ответили, что письмо направлено на рассмотрение в комиссию...

После смерти Сталина на дополнительном расследовании дела Ивана Калянника ему дали хорошие характеристики писатели Сергей Борзенко, Терень Масенко, Микола Нагнибеда. Борзенко написал, что «Иван Калянник был прекрасным поэтом». Военная коллегия Верховного суда СССР 21 января 1958 года отменила приговор в отношении поэта и прекратила дело за отсутствием состава преступления. Иван Калянник реабилитирован посмертно, 25 февраля 1958 года восстановлен в Союзе писателей.

Двоюродная сестра поэта Инна Васильевна Лавренова из города Дятьково рассказала, что когда арестовали Ивана, то многие дятьковские родные отказались от него, кроме их семьи. Ее отца Василия Яковлевича, работавшего на Дятьковском хрустальном заводе, исключили из партии, он пережил много всяческих бед и унижений, но всегда был уверен в невиновности племянника.

Кстати, в сталинском доме-ловушке «Слово», именуемом в народе «крематорием», где были арестованы Иван Калянник и другие писатели, квартиры сегодня — одни из самых дорогих. Высокая цена диктуется расположением дома и площадью квартир, а об историческом прошлом напоминал лишь памятный знак на стене с именами живших здесь писателей и художников, установленный без официального открытия ко Дню независимости в августе 2003 года. Теперь он заменен более полным, где есть и фамилия нашего земляка Ивана Калянника.

Все изданные при жизни книги поэта были уничтожены. И только в 1958 году, после восстановления Калянника в Союзе писателей, вышел сборник его избранных стихов. А в 1962 году — 2 сборника, в 1967-м — еще один. Все они на украинском языке, и остались неизвестными российскому читателю.

При тоталитарном режиме все было политизировано. Сами власти придумывали себе врагов из совершенно безвинных людей. Узаконенное безумие. Расстреляли Ивана Калянника, сломали жизнь его жене, дочери, отцу и матери, их родным и близким. Как им было жить и выживать с клеймом «членов семьи врага народа»? Нет, никогда нам точно не сосчитать всех жертв репрессий, они — неисчислимы...

Николай ПОЛЯКОВ,
Брянский «Мемориал».

*Использованы материалы, документы, письма, книги, присланные дочерью поэта (хранятся в Брянском областном музее); документы из личного фонда литературоведа В.П.Парыгина в Брянском госархиве; базы данных о жертвах репрессий Харьковской области; материалы из архивного дела И. Калянника № 014519.

Мой прадед Федор Иванович Чурсин родился в 1884 году в Белгороде. «Русский, член ВКП(б) до ноября 1937 г., бывший унтер-офицер царской армии, техник-механик, начальник паровой службы Московской окружной ж.д. Жил по адресу: Москва, ул. Новая Басманная, д.4/6, кв. 233. 17 декабря 1937 года был арестован окружным НКВД Московской Окружной железной дороги, осужден. Расстрелян 25.04.1938. Место захоронения: «Коммунарка» — сообщает краткие сведения мартиролог «Расстрельные списки Коммунарки».

По делу Федора Ивановича Чурсина была арестована и его жена Полина Михайловна (1889 г.р.), которая занималась воспитанием трех дочерей — Таисии (впоследствии моей бабушки), Александры и Людмилы. Она была осуждена и как жена «врага народа» сослана в лагерь на станции Потьма.

Дело по обвинению Чурсина Ф.И. было пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 13 октября 1956 года. Он был реабилитирован посмертно.

Дело по обвинению Полины Чурсиной было пересмотрено Военным трибуналом Московского военного округа 29 октября 1956 года. Она была реабилитирована.

Реабилитация и возвращение доброго имени — это огромное дело, но мне хочется сохранить память о моем прадедушке, жизнь которого так несправедливо и трагически оборвалась. Мне хочется, чтобы мой сын, его дети знали о нем. Мне хочется, чтобы как можно больше людей узнало об еще одной судьбе еще одного замечательного человека.

Федор Иванович был человеком удивительной преданности выбранной профессии, которой посвятил свою жизнь.

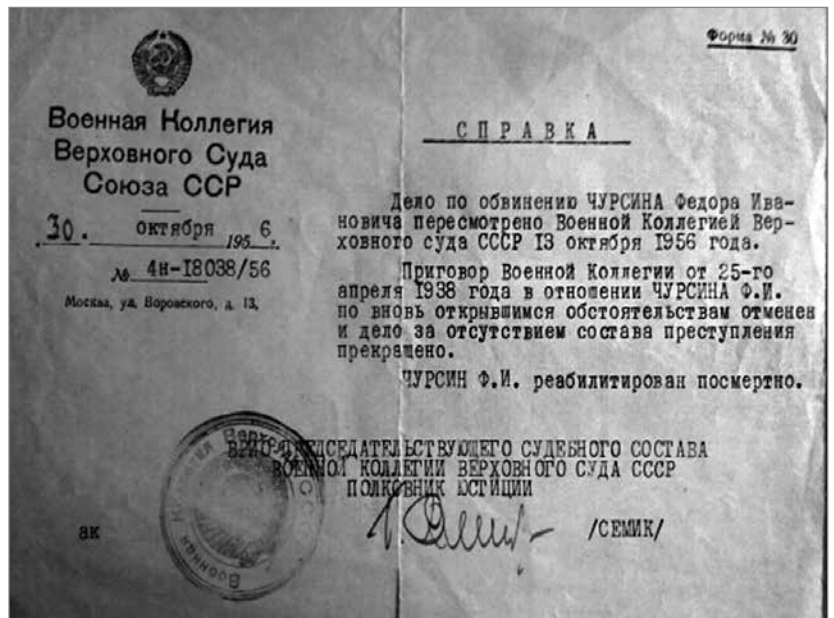
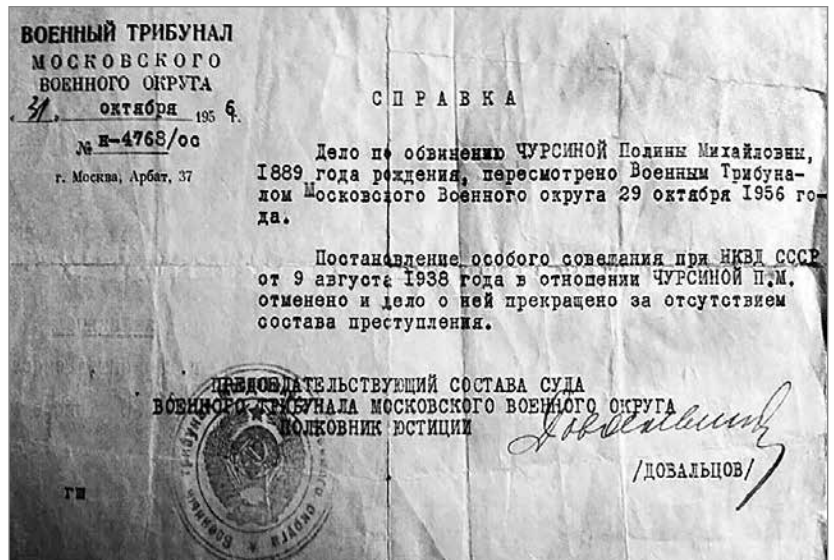
Он родился в простой семье рабочего, начал работать с 13 лет на железной дороге в Ростове на Дону, пройдя путь от ученика слесаря, кочегара, машиниста 1-го класса до крупного руководителя паровозного хозяйства. Он был настоящим пламенным революционером, идейным коммунистом, отдавшим всего себя становлению молодой советской республики. Взяв в руки винтовку, он как красногвардеец и красный партизан защищал советскую республику от белоохранителей в Оренбургских степях. Неоднократно был ранен, но до полного разгрома белоохранителей сражался под командованием М.В. Фрунзе, которого знал лично.

Вернувшись к мирной жизни, Федор Чурсин с большим энтузиазмом трудился там, куда его

ПОЧЕТНЫЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИК ЧУРСИН ФЕДОР

Десятки миллионов осиротевших, овдовевших, вырванных из привычного круга жизни, лишенных отчего дома... Сколько судеб было сломано. Отголоски трагических событий донеслись до потомков тех, кто был репрессирован. В те далекие годы родственников арестованных заставляли отказываться от своих родных, клеймо «репрессированный» долго влияло на судьбу жителей Советского Союза.

Невозможно подсчитать точное количество жертв репрессий. Ведь пострадали не только те, кто был выслан, расстрелян, но и те, кто много лет носил клеймо жены, сына, дочери «врага народа». Сколько судеб исковеркала сталинская машина террора! Сколько семей! Одна из таких — наша семья Чурсиных.

посылала партия. В 1921 году он был назначен начальником паровозных мастерских в Ростове-на-Дону, в 1925 году — начальником депо на станции Тихорецкая. Он восстанавливал паровозное хозяйство на Северо-Кавказской, Среднеазиатской, Северной дорогах.

На Среднеазиатской железной дороге в 1930 году в Ташкенте он занимался налаживанием паровозного хозяйства и избрал возможность увеличения пропускной способности локомотивов в условиях безводных трасс (дорога Каган — Ашхабад — Красноводск). Затем вновь Северо-Кавказская железная дорога. Потом в Москве он стал начальником службы тяги НКПС (Народного комиссариата путей сообщения СССР), затем — начальником службы тяги Московской окружной железной дороги.

Федор Иванович как ударник и почетный рационализатор был на первом приеме железнодорожников в Кремле в 1935 году. Одним из первых в 1936 году его наградили знаком «Почетный железнодорожник» за № 1552.

Вся работа моего прадеда была направлена на честное служение родине, которую он искренне любил. На момент ареста он имел 40 лет рабочего стажа. Вся его жизнь с 13 лет и до дня ареста была связана с железной дорогой.

В 1934 году он внес рационализаторское предложение, бла-

годаря которому стало возможно избежать потери воды инжектором на паровозах при закахках. Это дало экономии только на одной дороге в несколько десятков тысяч тогдашних рублей в год. Об этом было написано в газете «За ударный труд» №6 от 5 ноября 1934 года, выпускавшейся на Северной железной дороге.

Своих дочерей он воспитал стойкими, честными, трудолюбивыми. Несмотря на клеймо «дочерей врага народа», все 3 его дочери стали профессионалами в выбранном ими жизненном пути. Таисия Федоровна Чурсина была заслуженным врачом Узбекской ССР, Людмила Федоровна Чурсина — «Почетный дорожник», Александра Федоровна Чурсина-Ефремова — «Почетный железнодорожник». Дочери Федора Чурсина давно умерли, но живы их дети, внуки, правнуки.

В наших семьях каждый знает о трагической судьбе нашего предка Федора Ивановича Чурсина. Мы тщательно храним память о нем. Я сохранила и фамилию прадеда, передала ее своему сыну Андрею Чурсину, а он дал ее своим детям.

Елена ЧУРСИНА,
правнучка Федора Чурсина

На снимках: Федор Чурсин, справки о прекращении дела Федора Чурсина и пересмотре дела Полины Чурсиной. Из архива автора

➤ Окончание. Начало на с. 1

мерным и уж во всяком случае не быть связанным с ведением военных действий.

С учетом опыта Первой мировой войны была разработана и 27 июля 1929 года открыта для ратификации Женевская конвенция «Об обращении с военнопленными», содержащая такие принципы гуманного обращения с военнопленными как запрет на жестокое обращение с ними, оскорблений и угроз в их адрес; запрет на применение мер принуждения для получения от них сведений военного характера; запрет на их использование в зоне боевых действий; предоставление им гражданской правоспособности и распространение на них общих законов государства, взявшего их в плен. Допускалось предельное наказание в виде 30 суток ареста, а если состояние здоровья позволяло — допускались и ограничения в еде. Но — никаких тюрем и концлагерей! Гарантировалось и право на юридическую и иную защиту через Красный Крест¹, доступ представителей Красного Креста в лагерь (что, собственно, и составляло главный камень преткновения для СССР, подписавшего Женевскую конвенцию «О раненых и инвалидах» того же года, но так и не подписавшего конвенцию «Об обращении с военнопленными»: недаром в советской «Военной энциклопедии» места для статьи о Женевских конвенциях 1929 года не нашлось).

Энциклопедическая статья о Четвертой Женевской конвенции 1949 года имеется, но саму конвенцию СССР так и не подписал. Подписала ее новая Россия, едва народившись, — в 1992 году. Эта Конвенция недвусмысленно распространила действие предыдущей Женевской конвенции об обращении с военнопленными и на комбатантов — участников национально-освободительных войн! (конвенция 1929 года никоим образом не распространялась на партизан (или бандитов, как их называли немцы), что делало жизнь партизана, попавшего в плен, соизмеримой с предсмертным допросом.

И все-таки вопрос оставался открытым: ну какой империи приятно называть своих «бандитов» и «сепаратистов» участниками национально-освободительных войн? Иными словами, признание или непризнание лиц, захваченных с оружием в руках во время боевых действий, всецело зависит от того, признавать ли эти действия войной или не признавать.

Заглянем по такому случаю еще раз в «Военную энциклопедию»: оказывается, война — это социально-политическое явление, представляющее собой одну из форм разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями, классами и социальными группами средствами военного насилия. Даже если и забыть, что Дудаев с Масхадовым были легитимными главами ичкерийской государственности (как бы к ней самой ни относиться), то все равно получается, что дефиниция Российско-Чеченская война корректнее «антитеррористической операции», или АТО (каковым термином мир обязан не 2014 году и боевым действиям в Донбассе, а именно войне в Чечне).

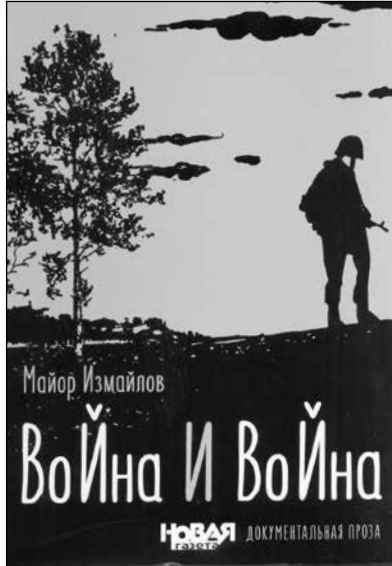
С точки зрения сильной (как она думает) стороны лучше этой правды не замечать и не признавать, откуда и происходят эфемеризмы типа «освободительный поход» или АТО. Назовем это все же как оно есть — войной, но войной гибридной (последней «классической» войной, наверное, была ирано-иракская 1980–1988 годов!). Танки Роммеля в Афганистане сегодня были бы почти таким же анахронизмом, как и конница Буденного на Курской дуге.

При этом все — и не только солдатские, но и генеральские — матери прекрасно понимают, что речь идет именно о войне. Как ты Басаева с Хаттабом ни назови — террористом, бандитом, инсургентом или гордым горцем, — суть остается неизменной: они воюют и стреляют на поражение, да и в них стреляют не холостыми. Да, за последнее время сам характер войны решительно изменился. Современные воины-террористы обогатили отвратительный арсенал своих наступательных операций захватами больниц и оптовой распродажей скальпов, а вот Бен Ладен (если это только он) додумался направлять камикадзе не на самолеты или крейсера врага, а на его гражданские небоскребы, причем на его же, врага, самолетах и керосине. И все это — война, а не игра «Зарница».

Все это случаи, мягко говоря, недостаточно учтенные в международном военном праве. Получается, что по отношению к проблемам войны и мира мы вошли в XXI век ничуть не более цивилизованными и юридически подготовленными, чем когда-то входили в век XX. Но только тогдашняя Россия, страстно желая исправить это, выступила инициатором и патроном Гаагской конференции и Гаагских

другой. Но это же и первый случай Измайлову проявить свои медийно-ораторские таланты.

А вот Чечня — это уже обоюдострый беспредел. Цена жизни упала в разы. Избить и убить могли в любом месте — и не обязательно враги, могли и свои. Если за попадание подчиненного в плен к духам командира смешали с должности, то в Чечне уже ничего — даже выговор не грозил.

ВОЙНА И ВОЙНА, ИЛИ ГУМАНИСТ ИЗМАЙЛОВ

соглашений, а вот Россия нынешняя, «успешно» осваивая и развивая гибридные технологии (Крым, Донбасс, Сирия), — так же как в 1941 году и Советский Союз, — даже мысли не допускает о попадании своих «вежливо-зеленых человечков», своих «ополченцев-порученцев» в отпуск или «чуваков Вагнера» в плен. Но они попадают, черт возьми, и Интернет, плюя на федеральное телевидение, показывает их всему миру в эфире.

Коль скоро война «гибридная», то «гибриден» и плен. Если это на Украине-Донбассе, то шансы выжить у пленных еще есть, а если в Сирии — нет. А должны быть и в Сирии!

И с этой точки зрения книга майора Вячеслава Измайлова «Война и война», выпущенная «Новой газетой», — человека, который спас от смерти и вызволил из чеченского плена сотни российских военных пленников и гражданских заложников, — самое настоящее пособие по гуманитарным аспектам гибридных войн. Ее следовало бы в военных академиях изучать, чтобы понимать, как в самой серой правовой зоне, где никто никому не должен даже формально, из этого самого «гибридного плена» все еще можно пробовать выручать людей!

НЕ УСТАВАТЬ БЕЗ ВОЙНЫ!

Книга называется удивительно точно: «Война и война». Рутинная ужаса, будни жестокости, торжество подлости, смерть, смерть и смерть, но еще и — жизнь и жизнь!

Между этапами военной службы Вячеслава Измайлова прослеживается логическая и эволюционная связь. Так, Сибирь постройбатовски — приучала к лишениям и к поиску гуманитарных компромиссов в мирной жизни. Афган² — к важности понимания своего врага и императива уважительного отношения к мирному населению страны, в которой воюешь. Яркий эпизод с тоннами бензина, слитыми кишлаку в компенсацию за по дури сожженные идиотами в погонах грузовики с мелкооптовым товаром — основой жизни кишлака на месяц-

И уж тем паче безнаказанно пытки и убийства захваченных чеченцев. Книга Измайлова буквально напичкана такими эпизодами. То он договаривается с боевиками и со своими об обмене конкретных людей на конкретных людей, а пока он с начальствами договаривался, обменивать уже стало некого (впрочем, ценились и трупы). А как вам такой старлей-охранник: получив приказ поставить в камеру с пленными чеченцами печку, он их всех расстрелял — лишь бы не морочиться с печкой?!

Ничуть не больше в гибридной войне шансов на выживание и у пленного федерала или заложника из гражданских. У каждого полевого командира своя яма-зندان и своя «женевская конвенция», она же концепция судьбы для тех, кто в нем: одному нравится им головы отрезать, другому нужны рабы по хозяйству, для третьего они бартерный склад, а для четвертого — товар, коль скоро есть рынок (особенно хорошо котировались иностранцы, журналисты и генералы).

Но именно Чечня стала для Вячеслава Яковлевича Измайлова полигоном приложения его гуманистического потенциала. «Свое место в этом хаосе я определил так: тащить из плена и тех, и других, тащить всех, кто в этот котел попал не по своей воле. Тащить до тех пор, пока начальники с обеих сторон не перебьются» (С. 144).

На Первой чеченской его лысина, которую знала вся страна по программе «Взгляд», была лучшей гарантией и его личной безопасности и безопасности тех, кто с ним рядом. В конце августа 1996 года, насмотревшись на то, как относятся к Измайлову боевики, полковник Бенчарский, возглавлявший в Объединенной группировке российской армии группу по освобождению пленников и заложников, официально предложил Измайлову работать в ней. В 1997–2001 годах центр его деятельности переместился в т.н. «этнический отдел» ГУБОПа³. А потом еще пара лет акции «Забывтый полк» под эгидой «Новой газеты». Всего же майор Измайлов спас из плена 174 чел. При таких занятиях пла-

кали по нем и бандитский зиндан, и трибунальская тюрьма — ему приходилось обходить и чеченские, и российские понятия.

Важный момент: Измайлов — кавказец (он уроженец Махачкалы, даром что ашкеназский еврей). Но еще более важный — он не просто порядочный и добрый человек, он, безо всякой саморефлексии, европейский гуманист. Он тот самый «плохой» (с точки зрения лампасов) офицер, для которого жизнь человеческая всегда выше сомнительных приказов (С. 74). Потому ему важнее всего собраться и сделать свое дело — спасти людей. Отсюда и пониженный, после усадки в самолет, интерес к последующей судьбе спасенных, и иммунитет к тем гадостям, что звучали порой за его спиной, иногда даже из уст этих самых спасенных.

Это не прекраснотушие. Коекого он открыто и ненавидит! Кого же?

Контрактника-подонка, похвалившегося убийством чеченских детей в их ауле! Стукачей! Особистов, нуждающихся в стукачах и в таких отморозках! Генералов, бросающих солдатских матерям: «Еще нарожаете!». Тыловики, которым не запахло перепутать адреса «груза 200» и не запахло за глаза распределять прикомандированных к

жак в Чечню с оружием в руках. Естественно, они попали в яму. Когда в «Комсомолке» вышла о них статья как о героях, якобы мстивших за смерть командира, их порешили расстрелять. Но расстрельщик, Сулейман Исмаилов, перерешил и подарил им жизнь. Впечатленные, оба приняли ислам, который исповедовали с неопитским рвением, взяли себе друг друга и главное — наотрез отказывались вызволяться из плена. Ковалев даже погиб в басаевском налете на Дагестан, а вот Лавер, когда более крутые бандиты его украл у приютившей семьи, был вызволен Измайловым и от них. Но теперь, испытав на себе прелесть и бандитской ямы, и бандитской свободы, он предпочел им российский трибунал.

Сам же чеченская «свобода» вскоре воцарилась в заморенной Чечне, механизм ее воцарения отразился в главке-притче о крысах. Чечня фактически перестала быть частью России, поскольку на ее территории многие светские российские законы не действуют, зато действуют свои. Время от времени эта «свобода» выплескивалась за пределы Чечни громкими политическими убийствами в Дохе или Москве и отменялась «тихими» (точнее «заглушенными», «с глушителями») — на своей территории.

И еще об одном следует напоследок сказать — о писательском таланте Измайлова. Книга «Война и война» состоит из множества коротких новелл, вполне автономных. Но все они между тем об одном и том же.

Вот, вероятно, самая короткая из них:

Я уже говорил, что не мог платить за освобождение пленных и редко имел возможности для обмена. Иногда мне удавалось просто убедить ичкерийцев. Один из полевых командиров в ответ на мою просьбу отпустить пленного солдата дал мне прочитать письмо его матери. В том письме был страшный материнский совет: «Сынок, бей этих черных!» (Хотя чеченцы белокожи.) Когда я прочитал материнское письмо, бандит выхватил его со словами: «Забери его труп».
Так, мать убила своего сына...

В этой бесхитрости сюжета и вне художественности письма есть какая-то шаламовская власть и платоновская сила!

Разумеется, у Измайлова нет и тени амбиций авторов «Севастопольских рассказов», «Сталинградских окопов» или «Колымских рассказов». Но императив летописца — это эпическое «Запомни это!» — хорошо знаком и ему.

И за всем этим — или надо всем — мечта и кредо майора Измайлова: разучиться уставать без войны! А уж если на войне — то не давать человеку озвереть, не давать войне загрызть в человеке человеческое. Быть не абстрактным воином-интернационалистом, не бездумным винтиком конкретной государственной машины, а самостоятельно мыслящим человеком, личностью, частичкой гуманистического слоя нашей жизни.

И все время стремиться к не менее важной цели каждого человека, неважно, в погоне он или без, — оставаться частным лицом («еврейским папой русских детей», в авторской формулировке Измайлова) — и только им, и как можно дольше (С. 246). И, добавим цитату из другой главки, — «умереть в глубокой старости и на белых простынях».

Павел ПОЛЯН

1. Военнопленные, переведенные на положение гражданских лиц, этого права, кстати сказать, лишались.
2. Офицерский фольклор: «Меньше звзда не дадут, дальше Кушки не пошлют» пострамлен. А вот и послали!..
3. Главное управление по борьбе с организованной преступностью.

На снимках: Обложка книги «Война и война»

ОКТАБРЬСКИЕ И НОЯБРЬСКИЕ ХРОНИКИ

1923. 13 октября

Совнарком СССР организовал Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения, находившийся в подчинении ОГПУ, для содержания лиц, осужденных за контрреволюционные преступления. Этот лагерь просуществовал под разными названиями 16 лет и стал, по определению А.И.Солженицына, первой «раковой клеткой» ГУЛАГа. По данным НИПЦ «Мемориал», в конце 1923 г. на Соловках было около 2500 заключенных, в конце 1924 г. — около 5 тысяч, в конце 1925 г. — свыше 7700, в конце 1926 г. — 10 700, в конце 1927 г. — 14 800, в 1928 г. — около 22 тысяч, в 1929 г. — около 65 тысяч, в 1930 г. — 71800 человек. С конца 1931 до 1933 г. там содержались 4–5 тысяч человек «неполноценной рабсилы и отрицательного элемента».

В декабре 1933 г. Соловецкий лагерь был расформирован, там расположилось одно из отделений Белбалтлага, а в 1937–1939 г. — Соловецкая тюрьма особого назначения (СТОН) НКВД СССР.

1928. 21 октября

Один из организаторов октябрьского переворота Лев Троцкий, находившийся в ссылке в Алма-Ате, обратился к коммунистам всех стран с призывом бороться против «сталинской бюрократии».

1938. 1 октября

Отдельным изданием вышел в свет «Краткий курс истории ВКП(б)», отредактированный лично И.В. Сталиным. Он написал черновик главы о диалектическом материализме, другие главы были им исправлены. В течение 15 лет «Краткий курс» был главной книгой идеологической дрессуры в СССР, необходимым и достаточным источником сведений по философии и новейшей истории и подлежал обязательному изучению всем населением страны, начиная со школьной скамьи.

1948. 26 октября

МГБ и прокуратура СССР выпустили директиву о повторном аресте лиц, отбывших наказание за политические преступления и освобожденных после окончания Великой Отечественной войны. На основании этого указа около 100 тысяч человек были вновь отправлены в лагерь и в «вечную» ссылку.

1958. 21 октября

Ленинградский городской суд осудил группу выпускников Ленинградского университета — философов Михаила Молодцова (будущего народного депутата РСФСР и члена Государственной думы РФ), Леонтия Гаранина, Евгения Козлова и филолога Николая Солохина. Обвинение строилось на данных перлюстрированной дружеской переписки, в которой обсуждались политические и философские вопросы. Подсудимым инкриминировали намерение создать антисоветскую организацию, программой которой «должно было стать» эссе Молодцова «Status Quo», где он подверг критическому анализу советскую государственную систему. По приговору суда Молодцову дали 7 лет, Солохину — 6, Гаранину — 5, Козлову — 4 года лишения свободы.

23–31 октября

Шведская академия присудила Борису Пастернаку Нобелевскую премию по литературе. После того как поэт, несмотря на давление властей, не захотел отказаться от

нее, в СССР по решению партийного руководства началась кампания его «всенародной» травли, сопровождавшаяся угрозами лишить его гражданства и выслать из страны и закончившаяся исключением Пастернака из Союза писателей СССР.

1968. 11 октября

Пятеро участников демонстрации протеста против ввода войск в Чехословакию 25 августа 1968 г. на Красной площади были приговорены Московским городским судом по ст. 190-1 УК РСФСР («распространение клеветнических измышлений, порочащих советский государственный строй») и ст. 190-3 УК РСФСР («групповые действия, грубо нарушающие общественный порядок»): Павел Литвинов, Лариса Богораз и Константин Бабицкий — к ссылке; Вадим Делоне — к 2 годам и 10 месяцам лишения свободы, Владимир Дремлюга — к 3 годам заключения. Все подсудимые отказались признать себя виновными.

1973. 20 октября

В Москве покончил жизнь самоубийством поэт, правозащитник Илья Габай. В «Хронике текущих событий» был опубликован некролог, где говорилось: «С предательством о Габае не вяжутся такие объяснения, как тюрьма, допросы, обыски, вынужденная бездельность талантливого человека. По убеждению всех, знавших его, Илья Габай, с его высокой чувствительностью к чужой боли и беспощадным сознанием собственной ответственности, был олицетворением идеи морального присутствия. И даже его последний, отчаянный поступок несет в себе, вероятно, сообщение, которое его друзья обязаны понять».

1978. 6 октября

Тбилисский городской суд приговорил грузинскую общественную и религиозную деятельницу Валентину Пайлодзе, обвиненную в «клевете на советский строй» и «посягательстве на личность и права граждан под видом религиозных обрядов», к полутора годам лагерей общего режима. Ее арест был расправой высшего грузинского духовенства с ней как с опасным свидетелем и разоблачителем преступлений в патриархии Грузии.

1983. 26 октября

Калужский областной суд приговорил Сергея Ивановича Григорьянца — литературоведа, журналиста и правозащитника — к 2 годам тюрьмы, 5 годам лагеря и 3 годам ссылки за «антисоветскую агитацию и пропаганду». Ему инкриминировали участие в издании бюллетеня «В», содержащего актуальные материалы о нарушении прав человека в СССР. Григорьянцу удалось наладить регулярный выпуск бюллетеня — раз в 10 дней. Всего вышло 105 номеров.

Его обвиняли также в передаче за рубеж статьи о смерти Варлама Шаламова, создании литературно-лингвистической карточки, собранной «с умыслом написания антисоветского романа», распространении неподцензурной литературы и критических высказываний.

1988. 30 октября

Состоялся митинг в Куропатах — первая массовая гражданская акция, положившая начало активным общественным процессам в Беларуси. Около 40 тысяч человек направились в урочище Куропаты под Минском, место захоронения жертв сталинского террора, где и прошел

митинг. Он был разогнан милицией и внутренними войсками с применением дубинок и слезоточивого газа.

1993. 3–4 октября

Кульминация противостояния между парламентом и президентом России — «малая гражданская война» в Москве: прорыв блокады Дома Советов, введение в Москве чрезвычайного положения, неудачный штурм телецентра Останкино, танковый обстрел Дома Советов и арест его защитников.

Началом конфликта послужил Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», прекращавший деятельность Верховного Совета и Съезда народных депутатов, подписанный Борисом Ельциным в сентябре.

В результате столкновений погибло не менее 157 человек, 384 были ранены (из них 3 и 4 октября — 124 человека погибли, 348 ранены).

1993. 2 октября

Президиум ЦИК СССР своим постановлением учредил Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР, которому были переданы функции ВЧК-ГПУ. В течение 11 лет ОГПУ было центральным органом политического сыска и репрессий. С его созданием права органов госбезопасности в области внесудебных репрессий последовательно расширялись. ОГПУ принимало решения о высылке, ссылке, заключении в концлагерь, в дальнейшем ему были переданы функции полномочия «расправы вплоть до вынесения высшей меры наказания». В задачи ОГПУ входила борьба с контрреволюцией, шпионажем, обеспечение государственной безопасности и борьба с чуждыми советской власти элементами.

1998. 17 ноября

Вышло постановление совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О производстве арестов и прокурорском надзоре», положившее конец так называемым массовым операциям НКВД, в результате которых за 1,5 года были арестованы около 1,5 млн человек, из них расстреляно более 680 тысяч человек.

Через 10 дней после этого с поста наркома внутренних дел был снят главный сталинский палач Николай Ежов. Кончилась «ежовщина» и Большой террор. Но репрессии не закончились.

1948. 20 ноября

Вышло секретное постановление политбюро ЦК ВКП(б) о ликвидации Еврейского антифашистского комитета. ЕАК, во время Второй мировой собравший миллионы долларов в США, Англии и Канаде для советских вооруженных сил, способствовавший открытию второго

фронта, был обвинен в шпионаже в пользу США и Израиля. Руководители ЕАК вскоре после этого были арестованы, а в дальнейшем все кроме Лины Штерн — расстреляны.

1953. 17 ноября

В Москве был открыт после смерти Сталина мавзолей Ленина—Сталина, просуществовавший 8 лет. Лишь в ночь с 31 октября на 1 ноября 1961 г. по решению XXII съезда партии тело Сталина было вынесено из мавзолея и захоронено у Кремлевской стены.

1958. 26 ноября

Правительство СССР обнародовало обращение к правительствам США, Великобритании и Франции с предложением пересмотреть статус Западного Берлина и вывести оттуда войска держав победительниц (США, Англии и Франции). Это предложение грозило аннексией Западного Берлина советскими войсками и было отклонено. Советское правительство объявило о блокаде Западного Берлина, которая продлилась несколько месяцев. Позже Советский Союз отказался от своего ультиматума, но поощрял руководство ГДР к усилению контроля за границей между Восточным и Западным Берлином и, в конце концов, к строительству Берлинской стены.

1963. 7 ноября

Произошли стихийные массовые беспорядки во время праздничной демонстрации в городе Сумгаите (Азербайджанская ССР), носившие проталинский и антихрущевский характер. Некоторые демонстранты принесли с собой портреты Сталина, которые достали и подняли над головами. Рабочие ворвались на трибуну, где находились местные партийные руководители, и сорвали портрет Хрущева с фасада дворца культуры. По одной из версий тех событий, в основе мятежа были экономические требования: рабочие протестовали против роста цен и перебоев в снабжении города хлебом. По другой версии, беспорядки имели ярко выраженную антиармянскую окраску и явились реакцией на драку в Степанакерте, в которой был убит азербайджанец. Волнения были подавлены с привлечением милиции из Баку.

1973. 23 ноября

Математик, доцент МВТУ им. Баумана Александр Болонкин и преподаватель математики Валерий Балакирев были осуждены за массовое тиражирование самиздата и создание самиздатской библиотеки и архива. Болонкин был приговорен за «антисоветскую агитацию и пропаганду» по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР к 4 годам колонии строгого режима и

2 годам ссылки (одновременно решением Высшей аттестационной комиссии он был лишен ученых степеней). Балакирев, признавший себя виновным, получил условный срок.

1978. 24 ноября

Верховный суд Грузинской ССР признал сотрудника киностудии «Грузия-фильм» Автандила Имнадзе, основателя молодежной подпольной группы Союз борьбы за освобождение Грузии, виновным в «антисоветской агитации и пропаганде» и приговорил его к 5 годам лишения свободы в колонии строгого режима с последующей ссылкой на 4 года. Группа распространяла листовки и участвовала в организации массовой демонстрации 14 апреля 1978 г. в Тбилиси.

1983. 24 ноября

СМИ обнародовали заявление генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В.Андропова о выходе СССР из Женевских переговоров по ограничению стратегических вооружений в Европе и о принятии ответных мер — размещении ракетных комплексов на территории ГДР и Чехословакии. Одновременно с этим СССР выдвинул свои атомные подводные лодки ближе к побережью США. Это был один из финальных витков напряженности гонки вооружений в «холодной войне», последнее политическое выступление Андропова.

1988.16 ноября

Верховный Совет Эстонской ССР принял декларацию о суверенитете Эстонии, в которой содержалось положение о том, что законы СССР вступают в действие на территории республики только после их ратификации парламентом Эстонии. Это было началом «парада суверенитетов». Президиум Верховного Совета СССР объявил это положение недействительным. Однако к середине 1990 г. почти все республики СССР, включая РСФСР, приняли декларации о суверенитете.

Ноябрь

Наблюдалось резкое обострение армяно-азербайджанского конфликта. В Азербайджане и Армении произошли погромы, сопровождавшиеся насилием и убийствами мирных граждан. Появились сотни тысяч беженцев с обеих сторон. В ряде городов Армении и Азербайджана было введено особое положение. Проводилась транспортная блокада одной советской социалистической республики (Армянской ССР) со стороны другой (Азербайджанской ССР).

1998.20 ноября

В Санкт-Петербурге была убита депутат Государственной думы Галина Старовойтова, которая стояла у истоков российского демократического движения, способствовала продвижению демократических реформ. Она была специалистом в области международных отношений.

Галина Старовойтова принимала активное участие в разработке таких документов, как закон «О реабилитации жертв политических репрессий», «О правах национально-культурных объединений», «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Заказчики убийства до сих пор не названы. 6 марта 2012 г. УФСБ по Петербургу приостановило расследование дела об убийстве Старовойтовой.

На снимке: Митинг в белорусских Куропатах, 1988 г.

Фото из архива пресс-центра Хартми'97 Charter97.org

Учредитель:

Международная общественная организация

«Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»*

* Внесен в реестр иностранных агентов, оспаривает это решение в судах

Издатель и редакция — ООО «Мемо»

Адрес издателя и редакции:

129226 Москва, ул. Докукина, д. 6
Адрес учредителя: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12

Тел. приемной: (495)699-1180

Тел. редакции: (495)699-6478

E-mail: 30october@ccknot.info

В подготовке номера участвовали Я.З.Рачинский, А.А.Макаров

Газета зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации № ПИ 77-1783 от 29.02.2000 г. Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Газета «30 октября» № 146 от 23.10.2018 г. (октябрь – ноябрь 2018). Время подписания в печать: установленное по графику – 10.00, фактическое 10.00.

Тираж — 999 экз. Отпечатано в ООО «Эль-Квест Полиграфикс». Адрес типографии: 107023 Москва, ул. Малая Семеновская, д. 3, стр. 4. Распространяется бесплатно

18+